

18+

Мара Дивеева
Только не Ты

Чёрно-белое

Лара Дивеева

Только не ты

«Автор»

2023

Дивеева Л.

Только не ты / Л. Дивеева — «Автор», 2023 — (Чёрно-белое)

Чем ослепительнее ненависть, тем безрассуднее любовь. Для Алёны стажировка в Англии – это отличный шанс запустить карьеру. Она настроена на успех и готова ко всему: к упорному труду, жёсткой конкуренции и трудностям. Но только не к влюблённости, превратившей разумную выпускницу в восторженную девчонку. И уж точно не к ненависти, нещадной, как лесной пожар. Александр – директор компании. Решительный и бескомпромиссный, он настроен на успех и готов ко всему: к умелым манипуляциям, жёсткой конкуренции и красивой лжи. Но только не к ненависти, превратившей успешного финансиста в одержимого и нестабильного юнца. И уж точно не к любви, нещадной, как лесной пожар. На обложке портрет djile/shutterstock

© Дивеева Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Александр Великий	8
Глава 2. На острие удачи	17
Глава 3. На острие славы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лара Дивеева

Только не ты

События, герои, игры, компании, общества и бренды являются выдумкой автора. Любые совпадения являются случайностью. Суждения не отражают мнение автора. Современный любовный роман с элементами драмы и фарса. На обложке портрет djfile/shutterstock

Пролог

Александр Гранд

Телевизионная программа «На лезвии бизнеса», Лондон

– Здравствуйте, мистер Гранд. Вы позволите обращаться к вам по имени?

– Вам, Наоми, я позволю всё что угодно!¹ – с нарочитой двусмысленностью ответил гость программы.

– В таком случае, Александр... даже не знаю, что спросить! – Ведущая подмигнула зрителям.

Зал откликнулся добродушным смехом. Какой бы серьёзной ни была передача, от Гранда привыкли ждать выпадов на грани допустимого.

– Говорят, вы никогда не проигрываете. Это правда?

– Вы верите слухам?

– Предпочитаю составлять собственное мнение.

– Тогда задавайте вопросы, мне нечего скрывать! – легко соврал Гранд. Казалось, на дне его взгляда поселился сам дьявол.

– Спрошу по-другому: как часто вы проигрываете? Когда был последний раз?

Гость задумался, что-то перебирал в памяти. Даже посмотрел на часы, а потом поднял искрящийся смехом взгляд.

– Никогда!

Несмотря на игривый настрой вступления, «На лезвии бизнеса» – серьёзная программа. Открытый диалог об успехе, риске, конкуренции и профессиональном выгорании. Гости или, если точнее, жертвами Наоми становятся неординарные люди разных сфер бизнеса, и она допрашивает их как о профессиональной, так и о личной жизни.

– Раз так, то поделитесь секретами вашего успеха. Я уверена, что зрители держат карандаши наготове.

– Я вас разочарую, секретов нет. Всё очень просто: нужно настроиться на волну успеха. Это как радио: либо вы поймали нужную волну, либо нет. Если нет, то вокруг только шум. А если поймали, то смело двигайтесь вперёд и никому не позволяйте сбить ваш настрой.

– Что главное в бизнесе, чутьё или везение?

– Чутьё. Инстинкты. Если возникает проблема, значит, ты пропустил предупреждение, не прислушался к себе. Я безоговорочно доверяю инстинктам и действую без промедлений и сомнений.

– У вас отличное чутьё в бизнесе. Вы удачно вкладываете деньги и основали две успешные компании. Возникали ли ситуации, заставившие вас усомниться в себе?

– Нет. Проблемы и препятствия ожидаемы. Считайте их доказательством того, что вы на правильном пути. Идите вперёд, и под вашими ногами появится путь.

– У вас репутация невозмутимого человека. Неужели вы никогда не теряете контроль?

– А зачем? – Александр пожал плечами.

Сама Наоми тратила почти четверть зарплаты на сеансы психотерапии, чтобы добиться хотя бы иллюзии невозмутимости и позитивного настроения. Поэтому вопрос Гранда загнал её в тупик, и она поспешила перевести тему.

– Ваш недавний карьерный шаг кажется несколько неожиданным. Вы добились успеха в области информационных технологий, и вдруг – косметический бизнес. Почему?

¹ Здесь и далее обращения на «ты» и «вы» сохранены для правильного восприятия на русском языке. В английском этого разделения нет.

В прищуренных глазах гостя сияла усмешка.

– Как и в случае с технологиями, я очень заинтересован в конечном результате.

– В косметике? – Наоми посмотрела поверх очков, выдавая свой тщательно замаскированный возраст.

– В женской красоте.

– О да, разумеется!

В зале раздались смешки.

Трудно не проникнуться симпатией к Гранду. В каждом его жесте – мужской шарм с перчинкой греха. Плохой мальчик, не пойманный с поличным и обещающий очень многое. Во всех смыслах.

– Вы выбрали нелёгкий путь, встав во главе тонущей косметической компании, которая за последние годы не выпустила ничего нового. Вы собираетесь изменить стратегию? Избавитесь от старых брендов и начнёте с нуля?

– Время покажет. – Александр сохранял нейтральный тон. – Для меня большая честь посвятить себя компании с таким богатым прошлым...

Пока Гранд отдавал дань вежливости, Наоми без стеснения его разглядывала. Без сомнений, под невозмутимой маской джентльмена прятался вулкан, а искренний взгляд скрывал много секретов. Это второе интервью, и в прошлый раз Наоми не удалось разбить панцирь его обаяния. Вот бы раскусить Гранда, сбить спесь, вывести его из себя, но, увы, этот канал телевидения слишком консервативен. Можно спровоцировать гостя, но он наверняка не поддастся, да и обожание толпы помешает. Мужчин любят по-другому, чем женщин. Им прощают почти всё, их боготворят, даже если они порой разочаровывают. Заметив стрелку на чулках или новую морщинку телеведущей, газетчики пишут: *«Наоми запустила себя»*, *«Позор стареющей звезды»*, а что бы ни сделал Гранд, они умиленно вздыхают.

Встречаются такие мужчины. К ним не прикоснёшься, не столкнёшься с пьедестала. Они превращают любой репутационный кошмар в удачную рекламу.

Наоми тряхнула головой, успокаивая разыгравшуюся фантазию. Гранд – всего лишь очередной денежный воротила с глянцевыми манерами. Небось, шпилит жену конкурента, подвесив её на цепях в гараже, вот вам и загадочность.

– Скажите, Александр, что для вас важнее всего в жизни?

– Успех. – Гранд ответил без задержки. Пристальный взгляд Наоми не смутил его, не заставил волноваться.

– А семья? Дети?

– У меня замечательные родители, они подарили нам с братьями незабываемое детство.

– Я имела в виду вашу собственную семью.

– Всему своё время!

Полчаса спустя, закончив интервью, Гранд поцеловал руку ведущей и улыбнулся зрителям, купаясь в обожании толпы. У него убийственная улыбка. Сногшибательная. Завидев её, женщины от восемнадцати до сорока делают стойку. Приручить, перевоспитать, присвоить – три «П» женской мечты.

Наоми разочарованно вздохнула. Засранец умеет выступать от души и завоёвывать сердца одной улыбкой. Его не загонишь в угол, не вытащишь настоящего Гранда наружу. Как ни дёргай, куда ни кидай, он как кот, приземляется на четыре лапы. Невозмутимый. Два интервью – и никакого разоблачения. Может, ей повезёт в следующий, третий раз?

Подмигнув зрителям, Гранд вышел из студии.

Глава 1. Александр Великий

Год спустя, Лондон

Алёна Серова

Я жарила яичницу, когда в дверях нарисовалась Коринна.

– Алёночка, угадай, во что мы играли вчера! – сказала на коверканном русском. Соседка одержима играми, любыми, компьютерными и нет, и старается втянуть соседок по квартире.

– Извини, Коринна, я опаздываю на работу. Ты одета, а я нет.

Страхнув яичницу на тарелку, я попыталась протиснуться в свою комнату, но не тут-то было.

– Пожалуйста, Алёночка! Ничего страшного, если опоздаешь на пять минут. Насмотришься ещё на красавчика.

– Я на него не смотрю! – буркнула раздражённо.

– Мы все на него смотрим, на то он и директор, – резонно парировала соседка, одна из пяти стажёрок в английской косметической компании. – До собрания ещё целый час.

Я попыталась сдвинуть Коринну с места, но высоченная стажёрка из Чехии только усмехнулась, глядя на меня сверху вниз. Обречённо вздохнув, я устроилась за кухонным столом, испещрённым деревянным рисунком старых царапин. Хотя и слишком маленький для пяти квартиранток, он занимал добрую треть кухни.

– Ладно, рассказывай, во что вы играли, но только пока я ем.

– Мы играли в «Из двух зол».

Закатив глаза, я покачала головой. В этой игре ведущий задаёт заковыристые вопросы, и предлагается выбрать меньшее из двух зол. Не игра, а мучение.

Исчерпав скудные знания русского языка, Коринна перешла на английский.

– Скажи, что хуже: аллергия на воздух или на воду? Вчера мы с Евой спорили больше часа.

Бредовые вопросы, как всегда.

– Смотря какая аллергия. Если анафилактический шок, тогда в любом случае не выживешь. Лучше уж умереть быстрее, от аллергии на воздух.

– Понятно, тогда следующий вопрос. От чего бы ты смогла отказаться навсегда: от алкоголя или от секса?

– Понятия не имею. Наверное, от алкоголя.

– Но без вина будет очень плохо!

– А без секса?

Коринна тоскливо вздохнула.

– Во-от! Мы вчера об этом и спорили. Хотя секс – понятие растяжимое...

– Давай не будем растягивать его за завтраком.

Если вовремя не обрубить эту тему, то до работы не доберёмся. Другое дело вечером, с бокалом вина...

– Ладно, следующий вопрос. Выбирай, уродство или нищета?

– Всё одно. Если нищета, постараюсь найти работу. Если уродство, сделаю пластическую операцию.

– Нет! – Коринна брезгливо поморщилась. – Не люблю врачей и ни за что не соглашусь на операцию. Нищета лучше, можно выйти замуж за богатого мужика.

Вымыв тарелку, я направилась в свою комнату. Не собираюсь всерьёз задумываться о дурацких вопросах.

– Последний вопрос! Что хуже, преступление или позор?

Я остановилась в дверях. От этой игры становится не по себе. Вроде чушь, но некоторые вопросы цепляют, непонятно почему.

– Смотря какой позор. Пройти по улице без штанов? Как-нибудь это переживу.

– А если кто-то заснимет тебя без штанов и выложит в интернет?

– Тоже, наверное, переживу.

– Не-а, не переживёшь. Если надеешься сделать серьёзную карьеру в бизнесе, то компромат тебя разрушит. Репутация – наше всё.

Я поневоле задумалась, и это дико раздражало. Не хотелось размышлять на idiotские темы.

– Мне всё равно!

– Ну, Алёночка, ну, пожалуйста! – заняла надоедливая соседка, снова переходя на русский. Объяснить ей, что ли, что никакая я не «Алёночка»? Хотя смысла нет, в Англии моё имя коверкают все.

– Пусть будет позор.

– Правда? А мне кажется, что преступление лучше.

– Если тебя поймут на преступлении, то ты опозоришься и получишь две проблемы в одной.

Соседка недовольно фыркнула, но задумалась. Воспользовавшись её замешательством, я скрылась в своей спальне, однако последний вопрос не отпустил.

Нет, точно не выберу преступление, пусть будет позор. Или смотря какое преступление... Если мелкое правонарушение, то это предпочтительнее позора... наверное. Да и вообще, что такое позор?

Дурацкие вопросы, но по пути на работу они не выходили из головы.

На собрании всех стажёрок усадили в десятом ряду рядом с начальницей отдела кадров, как будто в противном случае мы учиним невесть что. Однако мы не возразили, слишком заняты были разглядыванием директора.

– Красота – это наука. Молодость тоже. Вы творите красоту, восстанавливаете архитектуру кожи и молодость, а я горжусь своей причастностью к этому важному делу. Нет одного рецепта красоты, потому что все женщины уникальны...

Вроде обычные слова, даже немного приторные на мой вкус, но слышали бы вы, как он говорит! Искренне, проникновенно, да и голос у него красивый. Два слова: шикарный мужик. Дело не во внешности, а в харизме и в цепляющем взгляде. И в манерах тоже. Нет ничего привлекательнее изысканных манер британского джентльмена с волнующей ноткой греховности. Директор будто обращался к каждой из нас, превращая собрание в коллективный женский вздох.

– Женщины уникальны. Все до одной, даже близнецы. Поэтому стратегию нашей компании определяют не финансисты и не учёные, а женщины, которые покупают нашу продукцию.

Его взгляд проникал слишком глубоко, и от этого в животе зачиналась дрожь. Может, у него линзы специальные? Марка «Убей наповал». Все мы здесь, дурочки, ловим слова директора и наивно считаем, что он обращается лично к нам.

– Ишь ты, про близнецов заговорил, – прошептала Ева, стажёрка из Варшавы. – Интересно, а он когда-нибудь с близнецами «того»?

– Может быть, – ответила рассеянно в ожидании, когда взгляд директора добежит до конца зала и устремится обратно.

– А я вот уверена, что «того», уж он точно всё испробовал. Ты придумала ему подходящее прозвище.

Зовут роскошного мужчину Александр Гранд. Одно из значений слова «гранд» – великий, и я чуть-чуть переименовала и называю его Александр Великий, Alexander the Great, как

македонского царя. Не в лицо, конечно, я с начальником вообще никогда не общалась. Но сотрудникам прозвище понравилось. Удивительно, что никто раньше не додумался. Великий македонский царь, завоеватель, создавший огромную державу, – неплохое сравнение для генерального директора² компании, если не вспоминать о жестокости, массовых убийствах и других побочных эффектах неограниченной царской власти.

Александр Гранд – бог бизнеса, сравнительно молодой, но уже поднявший на своих плечах два успешных стартапа³, вложивший деньги в несколько других и теперь возглавляющий косметическую компанию. Говорят, его наняли, чтобы спасти бизнес. Уж кто-кто, а он сможет.

Он автор книг *«Как найти свой стиль в бизнесе»* и *«Поймай удачу»*. Я стажируюсь в компании всего четыре недели, но за это время его уже трижды показывали по телевизору. Видели бы вы его интервью! Он скромный, о себе говорит немного, а когда хвалит других, его глаза светятся. Немудрено, что удача к нему так и липнет. Всё справедливо.

Я подписалась на его блог под ником фанаткаббб, для этого я завела специальную страничку с аватаркой фотомодели. Это ненужная маскировка, потому что пиаром Гранда занимается женщина по имени Эллен. Именно она и ведёт его странички, отвечает на комментарии и хвалит мою эрудицию и чувство юмора. Но я всё равно люблю притворяться, что мне отвечает сам директор, что по вечерам Александр Великий разглядывает мои поддельные фотографии и гадает, кто я такая. Самая интересная и остроумная из тысяч его подписчиков.

Я мечтаю заразиться у Александра удачей и харизмой. Однажды, если повезёт, я открою свою собственную косметическую фирму. А пока... с отличием закончила химико-фармацевтический факультет, выиграла конкурс «Будущее косметологии» для выпускниц из стран Восточной Европы и приехала на стажировку в Лондон. Контракт на шесть месяцев, с хорошей зарплатой, и в конце срока одной из нас предложат постоянную должность.

Пока я размышляла о директоре, он обратился к смущённой женщине в первом ряду.

– Я всего лишь финансист, но даже я осознаю огромный потенциал вашего открытия. Спектроскопию используют уже давно, а детальная визуализация кожи показывает, как действуют наши средства...

Вот бы самого Александра запихнуть в спектроскоп, чтобы расщепить его харизму на составляющие и понять, что он из себя представляет, рассчитать процент искренности.

– Вы... не просто финансист, – залепетала женщина, – вы понимаете намного больше других...

Судя по горящим глазам и румянцу, ещё одна работница цеха красоты потеряна для общества. Я ей сочувствую, в Александра трудно не влюбиться.

Улыбнувшись, директор прыгнул со сцены, игнорируя ступеньки.

– Наш красавчик неплохо прыгает, – усмехнулась Ева. – Небось, проводит в спортзале часа два в день, не меньше. Узнать бы, в каком, и полюбоваться на кубики его пресса.

– Не кубики красят мужчину, а мужчина кубики, – прошептала я, но при этом задумалась. Он наверняка встаёт очень рано, пьёт овощной сок... именно овощной, во фруктовом слишком много сахара. Потом проводит час в тренажёрном зале и смотрит новости. Или листает документы на планшете. Потом завтракает с любовницей, супермоделью нижнего белья. Её я придумала, как и всё остальное. Вместе они пьют экологически чистый кофе у панорамного окна с видом на Лондон...

Пока я фантазировала, Александр остановился в проходе около нашего ряда и обратился к начальнику лаборатории. Нас разделяло пять человек – стажёрки и начальница отдела кадров.

² Слово «директор» употребляется для обозначения должности Chief Executive Officer.

³ От англ. startup – компания с короткой историей операционной деятельности (Wikipedia).

Я никогда раньше не влюблялась в начальство, но первая же улыбка немакедонского царя вбила кол в мои устои. Яркий, интересный, успешный мужчина, а главное – искренний. Под глянцевой оболочкой таится удивительное человеческое тепло, оно лучится из морщинок в уголках глаз и передаётся с обаятельной улыбкой.

Говорят, я остроумная, практичная и вполне себе разумная. Говорят, меня ждёт прекрасное будущее. Однако взгляд Александра Великого отключает мой мозг от сети. Знаю, что влюбилась в придуманного кумира, но позволяю себе эту слабость. Почему бы и нет? Вреда никакого, а пользы навалом. Я и работаю старательнее, и учусь, и выгляжу лучше, и бегаю по утрам. Влюблённость – лучший рецепт красоты.

– Очнись! – прошипела Ева, пихнув меня локтем, и я подняла взгляд.

Александр Великий смотрел на меня, и я не имела ни малейшего представления, почему. Смущение запятнало лицо неприглядным румянцем. Явно пропустила что-то важное, но что?

– Он задал тебе вопрос! – пробормотала Ева сквозь зубы.

– Какой?!

Ответ я получила от самого директора.

– Может, кто-нибудь другой хочет поделиться впечатлениями?

Вот же, позорище, отвлеклась в такой момент!

Александр всё ещё смотрел на меня, и от этого внутри происходили биологически невозможные процессы. Внутренности таяли, в животе заработала стиральная машина. Моргнув, директор перевёл взгляд на начальницу отдела кадров. Правильно, там его взгляду и место, нечего смущать стажёрок.

Коринна взяла микрофон и защебетала что-то благодарственное и восхищённое. Вместо того, чтобы слушать, я беззвучно материлась. Директор похвалил Коринну, и от этого мне стало только хуже. Я глупо профукала свой шанс.

– Пять лучших выпускниц университетов Восточной Европы стажировются в наших лабораториях, и я прошу оказать им всевозможную поддержку, потому что именно они определяют наше будущее.

Приятно думать, что я определю будущее Александра Великого, но верится в это с трудом. Думаю, он всё определяет сам.

Александр снова посмотрел на меня.

– Мне особенно приятно, что все эти выпускницы женского пола. Именно женщины играют решающую роль в нашем бизнесе. Ещё кто-нибудь хочет поделиться впечатлениями? – Глядя на меня, директор насмешливо дёрнул бровями.

Казалось, в моё горло вогнали кусок льда размером с хоккейную шайбу, но я протянула руку и забрала у Коринны микрофон. В этот раз не упущу мой шанс. Уж если говорить, то от души. А если мечтать...

– Уж если мечтать, то по-крупному! – сказала, глядя на директора. – Однажды я открою собственную косметическую фирму, чтобы выпускать экологически чистую косметику растительного происхождения. Практика в вашей компании – мой первый и очень важный шаг к цели. Благодарю вас за доверие, за гостеприимство и за шанс приблизиться к моей мечте...

Я продолжала говорить, а директор смотрел на меня, не мигая. Хотелось удержать его взгляд, искупаться в нём, как в чужом бассейне посреди ночи. Знаешь, что бассейн не твой, знаешь, что у тебя никогда такого не будет, но как упоительно!

От волнения я ткнула микрофоном в лацкан пиджака, и отвратительное шуршание пробудило директора к жизни.

– Как вас зовут?

– Алёна Серова.

Александр отвернулся и пошёл к сцене.

– Запомните это имя – Альёна Сероува. Мы ещё услышим его и не раз. Нет ничего важнее веры в себя, а остальное притянется как магнитом. Пожелаем удачи талантливой стажёрке Альёне и её коллегам, будущим звёздам косметического бизнеса. И раз уж мы упомянули будущее, то поговорим о стратегии компании. Всего одно слово – био... – Александр заговорил о новых биотехнологиях.

Вообще-то, био – это не слово, но придирааться не стану. К Александру Великому придирааться не хочется, даже если он, как и все англичане, коверкает моё имя.

– Нашла время, чтобы задремать! – хихикнула Ева.

– Он обратился ко мне лично? – Внутри трепыхалась радость, что директор выделил меня из толпы.

– Нет. Он задал вопрос всем нам и предложил начать с конца ряда, – усмехнулась Ева. – Начальница отдела кадров подала ему знак, она специально с нами села. А Коринну заранее предупредили, чтобы она вызвалась.

Осталось только вздохнуть. Хотя, может, и лучше, что директор не выделил меня из толпы. Целее буду. Александр Великий и не заметит, как растопчет моё сердце своими роскошными английскими ботинками.

– В нашей лаборатории только и разговоров, что о новом контракте, – сказала Ева за обедом. – Говорят, мы будем сотрудничать с исследовательским центром в России. Какой-то новый способ повысить выработку коллагена.

– Инъекции?

– Не знаю. На твоём месте я бы через голову прыгнула, чтобы побольше разузнать и предложить помощь. Ты же русская! Великому очень нужна эта сделка, ведь его наняли, чтобы спасти компанию. – Ева выразительно расширила глаза. – Они давно ищут что-нибудь новенькое. В Мёртвом море искали, в Африке, в Индии, и вот повезло – нашли на Урале в Байкале.

– На Урале в Байкале?

– Ну да. Нашли какие-то водоросли или мох или что-то подобное. Урал – это горы, и там в горах озеро Байкал... Ты же русская, ты что, не знаешь?

– Понятно! Явно надёжные слухи, – я чуть не подавилась от смеха.

– А почему нет?

География России для иностранцев – тема порой непостижимая. Мои объяснения Еву не впечатлили.

– Какая разница! – нетерпеливо возразила она. – Урал, Байкал... Короче, где-то в России нашли что-то важное. На твоём месте я бы разузнала.

– Разузнаю, – пообещала.

Коринна, с интересом слушавшая наш разговор, подмигнула.

– А ты напиши Великому: знаю, дескать, что вы ведёте переговоры с центром в России, и хочу помочь. О-очень хочу помочь, причём лично вам. И мои соседки по квартире тоже говорят по-русски. Мы будем помогать вам по очереди...

Под скабрзные шуточки я собрала грязную посуду и, смеясь, попрощалась с соседками. Так каждый раз. Мы обедаем все вместе в столовой на четырнадцатом этаже, и разговоры то и дело возвращаются к директору.

Раздумывая о том, как предложить Великому помощь, я дошла до конца коридора и вызвала лифт. Писать я директору не стану, по крайней мере, пока. Сначала поговорю с начальницей, чтобы проверить слухи и понять, с каким Уралом-Байкалом имею дело. А уж потом...

В голове пронеслись восхитительные картины: мы с директором ведём переговоры и заключаем важнейшую сделку в истории компании... стоим на берегу Байкала или на одной

из вершин Урала (ненужное зачеркнуть)... празднуем в ресторане, и он наливает мне шампанское, а потом склоняется к моим губам...

Двери лифта открылись. Я шагнула внутрь и замерла с поднятой ногой, увидев перед собой Александра Великого. Директор оторвал взгляд от телефона и посмотрел на мою задранную ногу. Я тут же поставила её на пол, обозначив намерение войти-таки в лифт, как это делают нормальные люди, не влюблённые в недостижимого и прекрасного начальника.

Вот он, мой шанс! Я могу прямо сейчас спросить про сделку и намекнуть, что я специалист по Уралу, и Байкалу тоже. Или сказать что-то значительное, что заставит Гранда обратить на меня внимание. Но, к сожалению, умных идей у меня нет, а по вечерам, вместо того, чтобы заниматься делом, я играю с соседками в дурацкие игры типа «Из двух зол». Может, спросить у Александра, от чего он сможет отказаться, от секса или алкоголя? Тогда уж он точно меня заметит. Перед тем как уволить.

Александр стоял, уткнувшись в телефон. А ведь мне показалось, что он заметил меня во время выступления. Сам же сказал: «Запомните это имя, Альёна Сероува...». Так вот она я, Альёна, стою рядом, глядя на директора с влюблённой тоской. Меня тянет к Великому с такой силой, что, кажется, я способна сдвинуть горы... например, Урал. Чтобы они оказались ближе к Байкалу.

– Ваш этаж! – Александр посмотрел на лацкан моего пиджака, к которому пришпилена карточка с именем. – Вы нажали седьмой этаж, Альёна, – показал взглядом на открытые двери лифта.

Это мой единственный шанс, и я обязана его использовать.

– Прошу прощения, я случайно нажала. Мне на другой этаж.

– Какой? – зачем-то спросил Гранд. Я посмотрела на единственную горящую кнопку на табло.

– Подвальный.

– Там гараж.

В гараже мне делать нечего. Разрешение на парковку есть только у начальства, а у меня и машины-то нет.

Двери лифта закрылись, и я сделала глубокий вдох.

– Простите, мистер Гранд, можно вас потревожить, это займёт всего минутку...

Объяснила, что я из России, отлично знаю терминологию на двух языках, буду рада помочь с переводом, объяснить культуру и традиции и способствовать удачному сотрудничеству. Выпалив всё это на одном дыхании, я скрестила пальцы на удачу.

Александр выглядел впечатлённым.

– О каком сотрудничестве идёт речь? – спросил серьёзно.

– Я слышала, что вы заключаете договор с центром... в России.

– В России?

– Да. Урал... или Байкал. – Поморщилась. За что купила, за то и продаю.

Александр вздохнул и потёр ладонью лоб.

– Непал, – сказал, качая головой. – Не Урал, не Байкал, а Непал. В принципе, сходство в названиях есть, хотя и отдалённое, – фыркнул с вполне объяснимым сарказмом. – В Гималаях нашли новый вид мха, экстракт которого стимулирует продукцию коллагена, и местный научный центр предложил сотрудничество. Как у вас обстоят дела с диалектами Непала? – спросил с улыбкой.

– Плоховато. – Я старалась не смотреть на директора, но румянец не скроешь.

– А со знанием местных традиций и культуры?

Я заслужила его насмешку. Знала же, что надо сначала проверить слухи и только потом лезть к начальнику. Вот и выставила себя полной дурой.

– Жаль! – Александр с трудом сдерживал смех. – Слухи, Альёна, они такие слухи!

Сказать было нечего, я мысленно ругала себя последними словами. Глупо прохрюкала такой шанс! Теперь директор считает меня доверчивой пустышкой.

Присмотревшись ко мне, он нахмурился.

– Надеюсь, вы понимаете, что информация о непальском мхе – это корпоративная тайна? Я сделала максимально честное лицо, глаза едва не выпали из орбит.

– Что вы, я никому не скажу!

– Если скажете, мне придётся вас убить.

Он явно пошутил, но я всё равно кивнула. На всякий случай.

Лифт открылся, и Великий пропустил меня вперёд. То ли из вежливости, то ли собирался проследить, что я намереваюсь делать в начальственном гараже.

– Я кое-что забыла, придётся вернуться! – Я попыталась нажать на кнопку седьмого этажа, но директор меня остановил. Не коснулся меня, но его рука оказалась так близко, что я ощущала тепло его кожи. И его запах тоже ощущала, одеколон и деньги. Много денег. Александр Великий пахнет деньгами и властью.

Он держал двери лифта открытыми и смотрел на меня. Светло-карие глаза прищурены, в них сила и интеллект. Волосы в лёгком беспорядке. Гранд очень красив. И притягателен. И...

– Альёна Сероува, – сказал он, растягивая гласные. – У вас есть чувство юмора? Я пошутил про корпоративную тайну. Можете рассказать сотрудникам, что мы будем сотрудничать с центром в Непале, договор уже подписан. Завтра эта информация появится на сайте компании.

– Хорошо, спасибо.

Наверное, со временем я пойму его шутки, но сейчас мне не смешно.

Покачав головой, Гранд направился к машине, но потом обернулся.

– Скажите, кто из стажёрок придумал прозвище «Александр Великий»?

Не похоже, что он в восторге. Кроме побед и завоеваний, Александр Македонский известен и незаурядной жестокостью.

Я позволила дверям лифта закрыться. Не сказала ни слова, только смотрела в прищуренные глаза директора и пыталась угадать, какой способ убийства он предпочитает.

Кажется, я мечтала, чтобы Александр Великий меня заметил? Сделано! Можно поставить галочку. Не совсем то, о чём я мечтала, однако результат налицо. А ведь всё могло быть по-другому. Заинтересовать Гранда всерьёз и надолго не в моих силах, но я бы хотела сделать что-то необычное, что-то настолько значительное, чтобы он меня запомнил. Чтобы лет через сорок, вспоминая былые дни, вдруг задумался обо мне. Сделал глоток виски, перекатывая на языке привкус нашей встречи, и сказал близкому другу:

– Была у нас одна стажёрка, её звали Альёна. Необыкновенная девушка. Жаль, что мы не познакомились ближе.

Я люблю мечтать, проигрывать в воображении этот безопасный сценарий. Почему безопасный? Потому что несостоявшаяся близость не может разочаровать.

Отдел кадров находится в одном из корпусов, кучкующихся вокруг главного здания. Компания расположена на окраине Лондона, но даже здесь земельные участки стоят очень дорого. С годами компания разрослась, и пристройки прижались боками к прародителю, не выступая за границы владений. Первый месяц стажировки я провела в отделе маркетинга, а через несколько дней перейду в лабораторию химического анализа. Жду не дожусь. С маркетингом у меня не срослось, моё призвание – лаборатория.

Прячась от непогоды под тёплой курткой, я добежала до пристройки. Когда тебя вызывают в отдел кадров, поневоле начинаешь гадать, что ты натворила. До сих пор не верится, что я победила в конкурсе, поэтому стараюсь изо всех сил. Решающих факторов в моём случае было несколько. Во-первых, подрабатывая в лаборатории, я отметилась на нескольких научных

публикациях. Прибавьте к этому знание английского, диплом с отличием, да и двойное гражданство не помешало. Серые глаза и английское гражданство по наследству – вот и всё, что я получила от отца. Менеджер автофирмы весенним ветром ворвался в жизнь моей мамы, чтобы сыграть скоропалительную свадьбу, завести дочь, а потом сбежать, как оказалось, к исходно имевшейся невесте в Англии. О гражданстве позаботилась мама, словно предчувствуя скорое исчезновение отца. Два года назад мамы не стало, остались мы с бабушкой. Больше мы об отце не слышали, а ставшую чужой фамилию в английском паспорте я сменила на Серову. Или Сероува, как считают англичане. Не могу сказать, чтобы я горела желанием навестить родину отца, но от участия в таком конкурсе не отказываются. Я решила – и выиграла.

И вот теперь сижу перед кабинетом начальницы отдела кадров, Дороти, строгой женщины средних лет, и гадаю, что сделала не так.

Оказалось, всё так, даже более чем.

Вместе с Дороти в кабинете меня встретила Эллен, директор по связям с общественностью, с которой мы переписываемся в соцсети на страничке Александра Великого.

– Альёна, ты замечательно выступила на собрании! У тебя хорошая дикция. Тобой занимался профессионал?

– В некотором смысле, да. Моя мама работала ведущей на радиостанции.

Мама работала ведущей радиопередачи для женщин, и я подрабатывала на станции, ведя десятиминутку «Секреты красоты».

– Телевизионная программа хочет записать интервью с директором и стажёрками. Ведущие собираются обсудить, стоит ли вкладывать ресурсы в выпускников, не имеющих практического опыта. Съёмки состоятся в следующую среду в кабинете директора. Будут приглашены все стажёрки, но мы предлагаем тебе произнести вступительную речь. У тебя явный талант к выступлениям.

– Спасибо, я... с удовольствием, – ответила с немалым волнением. – Что я должна сказать?

Женщины синхронно рассмеялись.

– Ты ничего не *должна* говорить, необязательно нахваливать компанию и начальство. Если ты не против, то расскажи о своей мечте и о начале стажировки. Остальные стажёрки будут только отвечать на вопросы.

– Я не против.

– Планируются и газетные интервью.

– Я нефотогеничная.

Профессиональный взгляд Эллен впился в мою отнюдь-не-модельную внешность. Я симпатичная, с правильными чертами лица и светло-каштановыми волосами чуть ниже плеч, однако из-за бурной мимики на фотографиях получаюсь плохо.

– В руках опытного фотографа это не проблема. Мы сделаем пару фотографий, а потом ты дашь небольшое интервью для блога мистера Гранда. Помнишь, что он сказал на собрании? Ты – лицо будущего косметологии.

От волнения задрожали руки. Я появлюсь в блоге Александра Великого. Там будут мои фотографии, сделанные профессиональным фотографом, на которых я выгляжу не как кривляющийся клоун, а как женщина, способная привлечь внимание мужчин. Мужчины. Одного. Определённого. Великого.

Моё эго парило под потолком большим розовым шаром.

Я кивнула. На другую, более осмысленную реакцию способна не была.

В ту ночь я долго не могла уснуть. В голове порхали звёздные образы. Альёна Сероува, россиянка, будущее косметологии. Меня посадят рядом с Александром, и я скажу что-то настолько умное и запоминающееся, что он будет впечатлён. Заметит меня, никогда не сможет забыть... или даже...

Поневоле вспомнилась игра «Из двух зол», только в этот раз я думала о хорошем. О подарках судьбы. Что бы я выбрала: стать успешным косметологом, владелицей собственной фирмы или завоевать любовь Александра Гранда?..

Первая влюблённость как корь – если заболеваешь в зрелом возрасте, то проходит очень тяжело и с осложнениями.

Стерев со лба холодную испарину, я откинула одеяло. Сходила на кухню, выпила воды. Посмотрела на неразбавленную тьму промозглой английской ночи... и пообещала себе, что избавлюсь от навязчивой влюблённости. Я не должна отвлекаться на мужчину, особенно на Александра Великого, которого совсем не знаю.

Моя жизнь никогда не была простой, я металась между учёбой и двумя работами. И вот я выиграла престижный конкурс. Меня заметило начальство. Обо мне напишут в газетах, покажут по телевидению. Рядом будет Александр Гранд...

Нет ничего опаснее быстрого успеха.

Глава 2. На острие удачи

Бабушка считает, что у меня слишком бурная фантазия, и порой мне приходится с ней согласиться. Упиваясь важностью грядущего интервью, я ожидала, что меня ждут длинные репетиции с директором. В действительности Александр Великий улетел в командировку, и мною никто не интересовался, кроме Нелли, помощницы Эллен. Та выслушала моё выступление, сделала пару замечаний по поводу мимики и оборотов речи, и на этом подготовка к телевизионному дебюту, увы, завершилась.

Александр вернулся за день до съёмок, и стажёрок привели к нему в кабинет дружным гуськом. Дороти с Эллен вышагивали по бокам, как конвоиры, бросая на нас строгие взгляды.

Полагаю, что командировка удачной не была, потому что директор пребывал в отвратном расположении духа.

– У меня делегация? – проворчал, не отнимая рук от компьютерной клавиатуры.

– Завтрашнее интервью... – напомнила Эллен.

– Оно завтра.

– Но стажёрки... мы же обсуждали, что надо отрепетировать...

Мы опасливо просочились в кабинет, большой, с панорамным окном, открывающим вид на по-сезонному куций парк. Стажёрки крутили головами, разглядывая пристанище кумира. Стол с монитором и стопками бумаг, два кресла, шкаф. Никаких личных фотографий и безделушек. Одним словом, разочарование. Говорят, у директора есть постоянная женщина, но Александр не посчитал нужным выставить её фотографии на растерзание наших взглядов.

– Давайте быстрее! – потребовал он.

– Встаньте вокруг директора! – засуетилась Дороти, и мы подошли к столу. Никому не хотелось стоять рядом с Александром, или, наоборот, всем хотелось, но навлекать на себя его гнев боязно. Мы никогда ещё не видели директора в таком недружелюбном настроении.

Мне повезло оказаться с краю, подальше от Александра.

– Неужели нельзя придумать что-нибудь оригинальное? – пробурчал он, недовольно косясь на плотное женское окружение.

– Можем посадить девушек к вам на стол, – парировала Эллен с улыбкой. – Назовём их «Ангелы Александра» вместо «Ангелов Чарли»⁴.

Директор выдал в ответ кривую ухмылку.

– Получилось асимметрично, две девушки с одной стороны, три с другой, – подала голос Дороти.

Я и есть та самая асимметричность.

Эллен внимательно осмотрела композицию.

– Первой выступит Алёна...

– Кто? – спросил Александр, и внутри меня что-то оборвалось. Отвалился кусочек раздутого эго. Директор так и не запомнил меня, несмотря ни на что.

– Алёна Серова, помните? Я предупредила, что она выступит в начале, как на собрании. – Исковеркав моё имя хуже обычного, Эллен показала на меня.

Александр передёрнул плечами с выражением: «С какой стати я должен об этом помнить?»

– Алёна, попробуй встать за спиной директора! – предложила Дороти.

Я протиснулась за спинами остальных стажёрок и встала за директорским креслом. Александр так близко, что могу прикоснуться, зарыться пальцами в тёмные волосы, погладить шею. Представив его реакцию, хихикнула.

⁴ Телесериал 1970х годов об агентстве расследований, в котором девушки-агенты работали на мужчину по имени Чарли.

Директор повернулся и посмотрел на меня вполоборота.

– Не бойтесь, я не ударю вас по голове, – неловко сострила.

Он не отреагировал и не отвёл взгляд. Не доверяет или...

– Алёна, начни вступление, проверим акустику! – попросила Эллен.

Откашлявшись, я взялась за спинку директорского кресла, чтобы придать себе решимости. Александр откинулся назад, придавливая мои пальцы. Я посмотрела на свои руки, зажатые между лопатками Александра и мягкой кожей кресла. Он надавил чуть сильнее. Я ощущала на костяшках тепло его тела. На шее Александра появились пупырышки, гусиная кожа. Он нервно потёр рукой затылок.

– У меня нет времени на репетиции, продолжайте без меня! – бросил раздражённо и поднялся. Попытался обернуться, но не хватило места. Его локоть коснулся моей груди, и Александр резко отдернул руку, чуть не сбив Еву с ног.

Бормоча что-то недоброе, он протолкнулся сквозь стайку суесящихся женщин, и ушёл.

В целом, Эллен с Дороти остались довольны репетицией. Директор довольным не выглядел. Либо у него проблемы, либо...

Либо пора признать, что я совсем его не знаю. Как подумаю о своей влюблённости, становится смешно. Придумала себе героя и влюбилась в него.

От слепой влюблённости надо бежать как от чумы.

В день съёмки я надела синий костюм со светлой рубашкой. Добавила лёгкий макияж, в последний раз отрепетировала незамысловатую речь и отправилась на работу.

– Директор занят, – сказала Дороти, стараясь не выдать волнение. Жалко её, бедняга отвечает за выводок иностранных стажёрок. Кто знает, какой фортель мы выкинем перед прессой!

Эллен сновала по кабинету, отдавая приказы всем подряд.

– Стол не двигать! На подоконник поставьте цветы! Не сюда, левее... вызовите уборщицу... – Заметив нас, напомнила: – Никуда не уходите после записи интервью. В половину пятого мистер Гранд встретится с журналистами, а потом будем фотографироваться. Сначала все вместе, а потом Алёну отдельно. Прессе нужны её фотографии и цитаты из выступления.

Мы послушно ждали в приёмной, наблюдая за тем, как в кабинет директора загружают съёмочную аппаратуру. К счастью, рядом есть небольшая кухня, где можно сделать чай или кофе. Я решила не злоупотреблять кофеином, чтобы не усиливать волнение, поэтому выпила воды и согрела холодные руки, обняв пузатый кувшин кофеварки.

– Разрешите пройти! – раздалось за спиной.

Я резко обернулась, реагируя на голос Александра Великого.

– Добрый день! – сказала приветливо.

– Докажи, что добрый! – буркнул угрюмо.

Протиснувшись в кухню, он достал большую чёрную кружку с надписью «Босс». Секретарь директора отпросилась домой, у её малыша бронхит, и бедняге начальнику приходится самому себя обслуживать.

Держа кружку в руках, Александр посмотрел на меня. Пристально.

Я ответила ему тем же.

– Алёна, – сказал он, растягивая неизменное «льё», – я бы хотел выпить кофе! – показал на кружку в своей руке.

Он просит меня сделать кофе? Сам не в силах? Директорская корона не позволяет прикоснуться к кофеварке? Очень хотелось состричь, но я сдержалась.

– Вы пьёте с молоком? – спросила, протягивая руку.

– Да. Много молока. – Александр не спешил отдавать кружку.

– Без сахара?

– Да.

– Хорошо, сейчас сделаю.

– Очень любезно с вашей стороны, – с подчёркнутой вежливостью сказал Александр, прижимая кружку к себе, – однако я не прошу вас о помощи. Достаточно просто отдать мне кувшин от кофеварки.

Опустив взгляд, я обнаружила, что всё ещё обнимаю кувшин левой рукой. Греюсь.

Александр почти удалось скрыть ухмылку.

Что ж, неудивительно, что он посмеивается над девицами, которые в его присутствии теряют разум. Одно утешение: вряд ли я первая или последняя, с кем это происходит.

Александр отошёл к холодильнику, а я попыталась выскользнуть в коридор. Вопрос директора застиг меня в дверях.

– Вас кормили?

– Мы обедали в столовой.

– Что вы ели? – спросил, деловито помешивая кофе.

– Суп и овощное рагу.

– И как?

– Очень вкусно, – ответила вежливо.

– Я тоже его пробовал, – сказал Александр, поднося кружку к губам.

– И как вам?

– Дерьмо.

Пройдя мимо меня, директор скрылся в приёмной.

Если это знаменитый английский юмор, то я его не понимаю, даже отцовские гены не помогают. Но я не успела поразмышлять о дурных манерах и странностях Александра Великого, как меня позвали на съёмки.

Из-за аппаратуры в кабинете стояла такая жара, что приходилось то и дело промокать лоснящиеся лица салфетками. Каждый клип записали по три раза. Моё выступление прошло безболезненно, а вот остальная часть записи – диалог между Александром и стажёрками – вызвала затруднения. Повторить спонтанные фразы три раза не так уж и просто.

Александр уставшим не выглядел, а мы, не привыкшие к таким испытаниям, еле держались на ногах. Пока он беседовал с журналистами, мы развалились на диванах в приёмной и жадно пили воду. Рядом ожидали два фотографа.

– Кажется, я передумала быть звездой шоу-бизнеса, – хихикнула я, закатывая глаза.

– А ты собиралась? – Ева держалась холодно, она обиделась, что для выступления выбрали не её.

– Нет, не собиралась, но теперь точно передумала. – Вздохнув, я помассировала затёкшую шею. Ну и денёк! На радио всё намного проще.

– Откуда вы? – обратился ко мне фотограф, молодой симпатичный блондин в жилете со множеством карманов. Он смотрел на меня с очевидным интересом и уже несколько раз пытался заговорить. Жаль, у меня нет сил на флирт.

– Из России.

– О!

Типичная реакция. Людям вроде и хочется что-то сказать, но не знают что.

– Угу, – ответила выразительно. Вот и пообщались.

– Я Джейк.

Остальные стажёрки смотрели на меня с выразительными улыбками. Симпатичный парень заигрывает со мной, а я настолько упеклась, что не в силах даже отреагировать.

– Надеюсь, у него хорошая аппаратура! – прошептала Коринна, дёргая бровями.

Дверь кабинета резко открылась, и на пороге появился Александр Великий, улыбочивый и ничуть не уставший. Казалось, его плохое настроение на кухне распространялось только на меня. Кстати, он не прав насчёт рагу, в столовой кормят отлично.

Уставшей толпой мы вышли на улицу, чтобы сфотографироваться у главного входа. Нас строили, меняли местами, поворачивали. На улице холодно, зима не спешит сдавать позиции, и мы дрожали, улыбаясь посиневшими губами. Джейк грелся в шарфе и шапке, а нам нельзя. Фотомодели, как-никак!

Потом были ещё снимки на главной лестнице и в фойе. Мы еле улыбались, дико устав от всеобщего внимания. Окружили директора усталой стайкой и послушно дожидались окончания пытки.

Меня поставили рядом с Александром. Я наслаждалась, тайком вдыхала вкусный мужской запах – когда ещё директор подпустит меня так близко? Он повернулся и, разговаривая с фотографом, прижался к моему плечу. И к руке, по всей длине до самых пальцев.

Сейчас он опомнится и уберёт руку. Неужели не заметил?

Я еле сохраняла невозмутимую улыбку. Прикосновение его пальцев к моей руке заняло всё моё внимание.

– Алёна, ты остаёшься, а всем остальным большое спасибо! – наконец объявила Эллен, и Александр отошёл в сторону, разрывая прикосновение.

Услышав отбой, девушки разбежались в стороны. Откуда только силы взялись? Наверное, от страха, что Эллен позовёт их обратно. Второй фотограф убрал аппаратуру, и Дороти проводила его к выходу. Остались только Джейк, Эллен, один из журналистов и я.

И Александр.

– Что у нас дальше по программе? – весело спросил он по пути в кабинет.

Эллен показала на последнего журналиста.

– У Тима несколько вопросов о стратегии компании, а потом сделаем оставшиеся фотографии.

Джейк расположился в приёмной, разложил аппаратуру и показал на меня.

– Пока директор разговаривает с Тимом, я сделаю снимки Алёны.

Моего мнения никто не спрашивал, что хорошо, потому что у меня не осталось сил на умственную деятельность.

– Не бойся, я быстренько! – Джейк подмигнул. – Альёна-Альёна-Альёна! – весело пропел, подводя меня к дивану. – Присаживайся, сейчас мы будем делать красоту!

Джейк заигрывал со мной, шутил. Спиной я ощущала осуждающие взгляды остальных. Я стараюсь быть профессиональной во всём и всегда, осложнения мне не нужны.

– Ты останешься здесь с фотографом, да, Алёна? Не уйдёшь? – проверила Эллен.

– Да. – Знаю, что нельзя оставлять посторонних без присмотра, нас предупредили.

– Хорошо. Если что, я рядом.

Эллен провела журналиста в кабинет. Александр бросил на меня недобрый взгляд и захлопнул дверь.

Знать бы, что его гложет. В том, что Джейк со мной флиртует, криминала нет, да и не случилось ничего предосудительного. И вообще, Джейк очень приятный, а директор... он странный.

На парк за окном опустились мягкие сумерки. Уже поздно, хочется домой. Если я когда-нибудь достигну успеха, мне придётся выносить такие безумные дни постоянно. Мне многому предстоит научиться.

Я присела и с удовольствием вытянула гудящие ноги.

– Устала? – Джейк снял вязаную шапку, размотал шарф и кинул куртку на пол приёмной.

– Очень.

– Мне нравится тебя фотографировать.

Внутри что-то ёкнуло. Что-то женское, нуждающееся в комплиментах и мужском поклонении. Джейк профессиональный фотограф, работает с моделями, с самыми красивыми и ухоженными женщинами, но почему-то флиртует со мной. Ему нравится меня фотографировать. Когда перед ним стояли все стажёрки, даже очень красивая Ева, он смотрел только на меня. Фотографировал и флиртовал.

А он симпатичный. Голубоглазый, с приятной улыбкой.

– Я нефотогеничная, – призналась смущённо.

– Кто тебе сказал такую глупость? – Приблизившись, Джейк показал мне пару снимков на экране фотоаппарата. – У тебя очень красивая улыбка. Она оживляет черты лица, ты привлекаешь внимание. Доверься мне! – Дождавшись кивка, Джейк прикоснулся к моим плечам, помогая принять нужную позу. – У нас всё получится, вот увидишь! Русская девушка по имени Алёна. Обычная необычная выпускница. Будущее косметологии.

Комплименты и прикосновения Джейка не остались незамеченными моим телом. Дыхание сбилось, и я поневоле расправила плечи и улыбнулась. Всего месяц назад я мыла полы в лаборатории и считала мелочью до следующей зарплаты, а теперь меня снимают для английских газет и телевидения, и обаятельный фотограф не сводит с меня глаз.

– Если не возражаешь, распусти волосы! – мягко попросил он, включая освещение. Я послушно сняла заколку, и тяжёлые локоны упали на плечи в художественном беспорядке. – Позволь мне? – Склонившись, он колдовал над моей причёской. Тёплое дыхание щеколало ухо. Удовлетворённый результатом, кивнул и сделал несколько снимков.

– Теперь посмотри вдаль и немного вбок... отлично!

Он показал мне снимки мечтательной девушки с лёгким румянцем смущения. Действительно, получилось очень хорошо.

– Оставь свои координаты, и я пришлю тебе фотографии.

Улыбаясь, я дала ему номер моего телефона. Вот так бывает, случайно встречаешь человека, и между вами появляется связь. Приятная, лёгкая, ни к чему не обязывающая, но несущая в себе искорки возможностей. Джейк не привлекает меня так сильно, как Гранд, но связь с обаятельным фотографом намного разумнее, чем мечты об Александре Великом.

– Пойду-ка проверю, как дела у вашего директора. Мне ещё его фотографировать, а тебе надо проверить цитаты для газет. Так что жди! – Постучавшись, Джейк зашёл в кабинет. Не успела я расслабиться, как он вышел обратно.

– Они уже закончили. Где у вас тут берут кофе?

– Кухня рядом по коридору.

Он кивнул, но не ушёл, задержался в дверях.

– Чёрт! Ты случайно не знаешь, какой кофе пьёт мистер Гранд? Я спросил и тут же забыл.

– Обычный из кофеварки. Много молока и без сахара.

– А чашка есть любимая?

– Чёрная кружка с надписью «Босс», их там несколько.

– А кофеварка сложная? – Джейк весело подёргал бровями, намекая на необходимость моей помощи.

– Ладно уж, пойдём!

Джейк достал одну из кружек директора.

– А ты будешь? – спросил, наливая кофе.

– Нет, спасибо. Если хочешь, могу сделать свежий.

– Не надо, я и так слишком много выпил, а твоему директору хватит. – Джейк поставил кружку с чёрным кофе рядом со мной. – Не знаю, где у вас тут молоко. Я сбегаю в туалет, а ты отнеси директору, ладно?

Я фыркнула в ответ. Нахал! А то не догадаться, где может быть молоко! Место есть такое загадочное, называется «холодильник». Я тоже не секретарь, чтобы делать начальнику кофе.

Нелли, помощница Элен, несколько раз заходила проверить, как идут дела, вот и поила бы директора.

Джейк рассмеялся и направился в туалет. Типичный избалованный красавчик, привыкший получать всё и сразу. Небось, сам спросил директора, хочет ли тот кофе, а потом взвалил поручение на меня.

– Эй, ты, командир! – я выглянула в коридор. – Ты что, холодильника никогда не видел? Джейк обернулся и, подмигнув, чмокнул меня в нос.

Я поневоле улыбнулась его мальчишеской выходке, но всё равно оттолкнула.

Добавив в кофе молока, постучала в кабинет. Журналист стоял у двери, готовясь выйти в приёмную.

– Ты вовремя зашла, – Элен протянула мне лист бумаги. – Посмотри, как тебе эти цитаты из выступления?

Я поставила кофе перед директором. Тот посмотрел на кружку с лёгким недоумением.

– Много молока и без сахара, – пояснила.

– Спасибо! – Он пожал плечами и сделал глоток.

Я взяла бумагу у Элен, пробежалась взглядом по тексту. Журналист попрощался с Александром, и мы все трое вышли в приёмную, оставляя директора в кабинете.

– А где фотограф? – Элен нахмурилась и выглянула в коридор.

– В туалете.

Посторонним не положено ходить по зданию без сопровождения, но не идти же с ним в туалет?!

В этот момент Джейк зашёл в приёмную.

– Мистер Гранд готов, – сказала Элен, пропуская его в кабинет. – Я попрошу Нелли посидеть в приёмной. Когда вы закончите, она проводит вас к выходу.

Подмигнув и пообещав вскоре мне позвонить, Джейк закрыл за собой дверь кабинета. Элен посмотрела на меня с явным неодобрением, замечая румянец и распущенные волосы.

– Я... мы ничего... он обещал прислать фотографии! – честно объяснила я.

– Сделай любезность, Алёна, дождись, пока придёт Нелли, я её сейчас вызову. Пусть посидит здесь. Кто-то должен проводить фотографа к выходу, а я занята.

– Я могу посидеть...

– Нет. Я позову Нелли. – Судя по тону Элен, наше с Джейком общение её не впечатлило.

Она ушла вместе с журналистом, чтобы продолжить общение в соседнем пабе. А я дождалась появления Нелли и, бросив прощальный взгляд на кабинет директора, направилась в свой отдел. Умылась прохладной водой, посидела в тишине. За сегодняшний день я не сделала ни грамма работы, хотя интервью и фотосессию иначе как тяжким трудом не назовёшь. Проверив почту, открыла рабочий файл. Если начальница одобрит маркетинговый план на следующий квартал, то будет, что добавить в резюме.

Не знаю, как долго я работала, но меня отвлек крик в коридоре. В тишине вечернего здания этот звук показался особенно пугающим. Обычно к этому времени на работе остаются только единичные усердные работники, и мало что нарушает тишину.

Я вышла в коридор и прислушалась. Из приёмной директора доносились сдавленные восклицания. По спине пронеслась дрожь неприятного предчувствия.

В приёмной металась встревоженная Нелли. Она тыкала пальцами в кнопки телефона, на её щеках багровели пятна нервного румянца.

– Я вызвала ночную охрану, они смогут оказать первую помощь! Но я не могу дозвониться до Элен! – Нелли всхлипнула и беспомощно развела руками. Очки соскользнули с переносицы и упали на ковёр.

– Что случилось? – Ноги сами несли меня в кабинет.

Александр лежит, устроившись на столе, и... спит?

– Я не могу его разбудить! – Нелли подошла следом, под её подошвой хрустнули очки. – Я ждала в приёмной. Фотограф вышел из кабинета, он торопился, и я проводила его до выхода. Потом вернулась и зашла проверить, не нужно ли чего мистеру Гранду. А он спит!

– Так, может, он устал... – В горле горело и царапало. Очевидно, что Александр не просто спит, хотя бы потому, что от визга Нелли очнулись бы даже мёртвые.

Кошмар, ну у меня и мысли!

– Мистер Гранд не мог заснуть при фотографе! – голос Нелли сорвался в нервное рыдание. – Посмотрите, в какой позе он лежит!

– Не волнуйтесь, я смогу оказать первую помощь, – заверила сипло. – А вы пока вызовите неотложку.

Одна рука директора безжизненно свисала до пола, ноги вывернуты в неудобной позе. Так не спят.

– Александр! – Я еле узнала свой крик. Внутри всё сотрясалось от ужаса, дурное предчувствие закрутилось ледяной бурей.

В кабинет зашли двое мужчин из ночной охраны.

– Отойдите! – оттеснили меня в сторону.

– Мистер Гранд без сознания. – Я вжала ногти в ладонь, сдерживая панику. – Дыхание нормальное, пульс тоже, мышечный тонус понижен.

Охранник перехватил у Нелли телефон и повторил мои слова диспетчеру «скорой помощи»: – Без сознания, мышечный тонус понижен. Дышит, пульс в норме... – отодвинул трубку от уха. – Когда его в последний раз видели в сознании?

Мои губы дрожали, мысли бились в панике. Словно моё тело уже знало правду, которая пока что скрывалась от разума.

– Н-н-не знаю... полчаса назад... наверное...

– Он на что-нибудь жаловался? Боль за грудиной? Недомогание?

– Я с ним не разговаривала. Выглядел вроде нормально.

– Мистер Гранд принимает какие-нибудь лекарства?

– Я ничего о нём не знаю, я стажёрка. – Мой голос звучал виновато.

Я действительно ничего о нём не знаю, хотя в фантазиях уже прожила с ним целую жизнь. Счастливую.

Охранники колдовали над директором, разговаривая с диспетчером скорой помощи.

Александр издал грудной, глубокий стон, и я подошла ближе, пытаясь разглядеть, что происходит.

– Он реагирует на болевой стимул, – сказал охранник в телефон. – Двигает руками. Нет, таблеток рядом нет. И не пахнет ничем необычным. Рядом кружка... Кофе с молоком, осталось немного на доньшке. – Охранник продолжал говорить, но я не слушала. Отошла к окну на враз онемевших ногах, опустилась на пол и закрыла глаза.

Очнулась я только когда меня дёрнули за плечо.

– Вы трогали что-нибудь в кабинете? – спросил второй охранник.

– Нет. – Я посмотрела по сторонам, только сейчас замечая беспорядок в бумагах, открытые ящики стола и распахнутый шкаф. Из меня выйдет никудышный детектив. – Полчаса назад журналы и брошюры лежали аккуратными стопками. Шкаф был закрыт, стол тоже, – добавила бесцветным тоном.

– Вы в порядке? – охранник заметил мою бледность.

Нет, я не в порядке. На полусогнутых ногах вышла из кабинета и опустилась на диван в приёмной.

– К вам будут вопросы! – крикнул охранник вслед.

Не сомневаюсь. И не только вопросы.

В голову лезли невозможные мысли. Неудобоваримые. Я не позволяла им развернуться в сознании, с силой выталкивала наружу.

Александр без сознания. Его кабинет в беспорядке, как после обыска.

Джейк.

Джейк.

Джейк.

Охранник встретил бригаду скорой помощи, с ними в приёмную вбежала запыхавшаяся Эллен. Из кабинета доносились отдельные фразы.

«Мистер Гранд принимает какие-нибудь лекарства?»

«У него здоровое сердце?»

«Кабинет был в полном порядке, когда я уходила». – Эллен всхлипнула.

«Он запирает эти ящики?»

«Да, запирает, но вот его ключи на столе. Телефон тоже здесь и компьютер...»

«Я проводила фотографа, вернулась, а мистер Гранд спит. Фотограф ничего не сказал». –

Нелли защищалась, словно ей предъявили обвинения.

«Дыхание в норме, зрачки реагируют на свет, но вяло. Рефлексы снижены, реакция на болевые стимулы присутствует. Двигает конечностями симметрично. ЭКГ в норме. Возможных причин его состояния несколько. Что он ел и пил этим вечером?»

«Алёна принесла ему кофе».

«Кто такая Алёна?»

Вот именно, кто такая Алёна, и зачем она принесла кофе?!

Разум пока что не в силах охватить масштаб происшедшего, он ещё не понял причин, не связал вместе улики, но инстинкты не обманешь. Случилось нечто жуткое, коварное, преступное. И я находилась в его эпицентре.

Я и Джейк, Джейк, Джейк...

Александра увезли. В приёмной появился мужчина средних лет. Я видела его раньше. Лоренс – друг директора и личный советник по вопросам безопасности. Они с Эллен заговорили об Александре, о полиции, о мотивах преступления. Я услышала слово «шпионаж». Мерзкое слово, слишком много шипящих звуков.

– Я оставила Александра с фотографом, Нелли ждала в приёмной. Всего полчаса, не больше! – Эллен пыталась оправдаться, ведь она отвечала за съёмки. Её голос дрожал. – Мы следовали обычным правилам. Фотограф акк... – всхлипнула, – аккредитованный. Нам прислали списки, всех проверили. С согласия Александра я пошла проводить журналиста. Мы зашли в паб, чтобы обсудить пару вопросов. В приёмной остались Нелли и стажёрка. – Эллен взволнованно тараторила. Ей стыдно, потому что в момент преступления она пыталась устроить личную жизнь с журналистом.

– Почему отпустили охрану? – у Лоренса сильный французский акцент.

– В конце дня остались только двое гостей, а нас четверо. Мы никогда не используем охрану в таких ситуациях, особенно если гости – знакомые люди.

– Ты знаешь фотографа лично? – в голосе Лоренса усмешка.

– Мы знакомы с журналистом, а фотограф новый, но его прислали из знакомой газеты. Мы всё время с ними сотрудничаем.

– Но ты не знаешь фотографа лично?

– Нет, но...

– Его проверили на входе?

– Конечно! Удостоверение в порядке. Лоренс, мы всё сделали как положено!

– Почему фотограф остался наедине со стажёркой?

– Это не запрещено, а она лучшая! – В голосе Эллен появились писклявые ноты. – Стажёры знают правила. Он её фотографировал. Мы были за дверью, оставили их всего на несколько минут.

– Но этих минут оказалось достаточно, чтобы подсыпать что-то в кофе, не так ли, Эллен? – У Лоренса жуткий смех, и меня тошнило от мысли, что придётся с ним разговаривать.

– Это пока что не доказано!

– Да брось ты! – Лоренс презрительно фыркнул. – Гранду подсыпали в кофе какую-то дрянь. Вот вопрос на миллион фунтов: какого дьявола ваши стажёрки приносят кофе директору компании? Им что, больше нечем себя занять?

– Они никогда не носят директору кофе. Я не знаю, как так получилось. Алёна сказала, что фотограф сделал кофе и попросил её отнести Александру.

– Посторонний мужчина, гость компании сделал кофе и попросил её отнести директору, и ваша *лучшая* стажёрка покорно взяла кружку и пошла к Гранду? – В слове «лучшая» прозвучала заслуженная доза презрения. – Да уж, дела совсем плохи.

Невыносимый стыд бился в моей груди вторым сердцем.

– Гранд размяк тут у вас, расслабился, – насмешливо продолжил Лоренс. – Пьёт из чужих рук, тянет в рот всё, что перед ним ставят. Она хоть симпатичная, эта стажёрка?

Эллен не ответила. В кабинете раздались шаги и шелест бумаг.

– На столе всякая рекламная ерунда, статьи, журналы. Это и понятно, ведь в кабинете весь день были посторонние, – продолжил Лоренс. – Гранду что-то подсыпали и перерыли кабинет, не пытаясь скрыть следы. Запертые ящики открыты ключами Александра, следов взлома не вижу. Но там нет ничего важного, так как Гранд хранит документы в электронном формате. Меня больше волнуют его компьютер и телефоны, особенно телефоны. У него их два, рабочий и личный. Чтобы в них влезть, достаточно приложить его палец к кнопке. Вопрос в том, что именно искали и нашли ли. Мне срочно нужны записи со всех камер наблюдения.

В отличие от остальных, Лоренс казался совершенно спокойным.

События нанизывались на нить ночи одно за другим. Вокруг бегали люди, приёмная напоминала ошпаренный муравейник. Я срослась с диваном, смотрела по сторонам и не верила в происходящее. Подтвердилось, что причиной состояния Александра было снотворное. Планировались два параллельных расследования – отделом безопасности компании и полицией. Мне задавали вопросы, очень много вопросов. Я перечислила все события, начиная с обеда. Дважды. Описала фотографа. Трижды. Опознала Джейку на снимках с камер наблюдения. Кончик носа и скула, видневшиеся из-под шапки с шарфом, несомненно, принадлежали Джейку. Кружку вынесли из кабинета. Кофе, сделанный для мужчины, в которого я влюблена, стал уликой.

После этого я заперлась в кабинке туалета, где меня долго выворачивало наизнанку.

Глаза настолько сухие, что больно моргать. Тело окаменело от ужаса. Я не могу сделать глоток, забыла как глотать. Набираю полный рот воды, беспомощно дёргаю шеей и сплёвываю.

Хочу закричать, но не могу. Хочу, чтобы кто-то взял меня за руку, обнял, успокоил. Такое чувство, что грядёт конец света, и я ничего не могу сделать, чтобы предотвратить беду. Потому что уже поздно.

Я заверяю Лоренса, что не виновата, в который раз повторяю всю историю. К счастью, Нелли пришла в себя, она говорит связно и уверенно. Её компетентность не вызывает сомнений, как и её репутация. Я хватаюсь за Нелли как за спасательный круг. Благодаря ей, а также записям с камер видеонаблюдения, события расписали по минутам, и с меня спало одно из возможных обвинений: в документах директора копалась не я.

...Когда Эллен с журналистом уходили, Александр был в порядке. Я ушла сразу после них.

...Нелли оставалась в приёмной, пока не вышел Джейк. По словам Нелли, из кабинета доносились голоса и смех, поэтому она ничего не заподозрила.

...Чтобы проводить Джейка к выходу, Нелли потребовалось не больше трёх минут.

...Камеры в коридоре подтвердили, что я не возвращалась, пока не услышала крики Нелли.

Я незаметно выдыхаю, радуясь первой хорошей новости: есть доказательства, что я не могла обыскать кабинет директора. Однако я могла посодействовать преступлению, подсыпав Александру снотворное. Потому что Джейк предложил мне деньги. Или потому что он мне понравился. Судя по тяжёлому взгляду, Лоренс в этом уверен. Он следит за моей реакцией, за словами и мимикой. Моя агония доставляет ему удовольствие.

Саму Нелли тоже проверят, как же без этого, но тридцать лет преданности компании и безупречный послужной список, безусловно, говорят в её пользу. А я иностранная стажёрка, которая принесла директору кофе и на глазах у всех флиртовала с фотографом.

В кабинете Гранда камер нет. Камера у входа в приёмную запечатлела, как мы с Джейком идём делать кофе и как я несу кружку директору с улыбкой на наивном лице. Есть ещё камера у входа на кухню, и она подарила нам очаровательный кадр, в котором я высовываюсь в коридор, а Джейк целует меня в нос. Этот паршивец явно знал, где находится камера, потому что отвернулся от неё, прикрываясь мной. А я улыбалась во все тридцать два зуба.

Если бы камеры записывали звук, я бы доказала, что мы с Джейком не в сговоре. А так...

– Что с мистером Грандом? – спрашиваю я Лоренса. – Ему лучше?

– С Александром всё будет хорошо, – отвечает он с задержкой.

Меня отпускают домой, назначив встречу на девять утра.

Я бреду в темноте, избегая освещённых участков аллеи. Бесшумно вхожу в квартиру, запираюсь в комнате и лежу, невидяще глядя в потолок. Подбрасываю в воздухе возможные сценарии, дрожу от холода под двумя одеялами.

Александр Великий. Прости меня, прости, прости. Джейк нагло использовал меня, потому что я дура, бестолковая и невезучая. Я виновата в преступной наивности. В том, что стала мишенью. В том, что не догадалась, не задумалась, не заподозрила. Александр никогда бы не попросил незнакомого фотографа, гостя компании, принести ему кофе, даже если тот бы предложил.

О чём я думала?

А вот и проблема – я не думала. Вообще. Сделать кофе – это так просто, так невинно. Я помнила, что директор любит кофе с молоком, и с удовольствием помогла Джейку.

Почему я вовремя не опомнилась? Ведь директор явно удивился, когда я поставила перед ним кофе. Почему не заподозрила неладное?

Все мы мудры задним умом и чужими ошибками.

Пусть с Александром всё будет хорошо! Я волнуюсь только о нём.

Джейк. Джейк. Джейк. Понять бы, для чего он это затеял. Что искал.

Не знаю, во что ненароком вляпалась. Как в игре «Из двух зол»... Преступление и позор, позор и преступление.

Глава 3. На острие славы

– Мисс Серроувва.
– Пожалуйста, называйте меня Алёна.
– Будьте добры, расскажите нам ещё раз обо всех событиях, начиная с вашего знакомства с фотографом.

– Джейк...

– Вы уверены, что его так зовут?

– Он так представился.

– Вам?

– Он представился всем стажёркам. Джейку выдали пропуск, Эллен проверила его аккредитацию...

Почему они спрашивают меня о Джейке?! Я его НЕ ЗНАЮ! Я не знаю мужчину, который поцеловал меня перед камерой видеонаблюдения.

– Вам знаком мужчина на этих фотографиях?

Смотрю на три снимка. Качество не очень, но это Джейк. Вязаная шапка, шарф, лицо еле видно. А вот меня видно отлично, я поднимаюсь по лестнице рядом с ним. Второй снимок до начала фотосессии – Джейк стоит в фойе, боком к камере, заполняя свои данные в регистре посетителей. Третий – когда мы фотографировались у входа в здание, Джейк держит в руках фотоаппарат.

– Это фотограф, который назвался Джейком. Он поднялся в приёмную в верхней одежде. Без шапки и шарфа он заходил в кабинет, на кухню и в туалет, но там камер нет.

– Откуда вам известно, что там нет камер?

Молчи, Алёна! Молчи и не говори лишнего!

– После инцидента об этом говорила охрана. Камеры расположены в коридоре около входа на кухню и в приёмную, но фотограф держался спиной к ним.

– Вы уверены, что этот мужчина фотограф? – спрашивают после паузы и смотрят на меня долгими взглядами. Наверное, их учат, как деморализовать человека, балансирующего на грани истерики. – У нас имеются сведения, что вас связывали близкие отношения.

– Никаких отношений нет и не было. Он флиртовал со мной, а я отвечала на его вопросы из вежливости.

– Что произошло, когда вы остались наедине?

– Джейк меня фотографировал.

– Вы раньше с ним встречались?

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Вы договорились о следующей встрече?

– Нет, но я дала ему номер телефона, чтобы он прислал фотографии.

– Вы дали ему номер личного телефона, чтобы он прислал на него конфиденциальные корпоративные фотографии?

– Эти фотографии для газет, и на них сфотографирована я.

– Расскажите, как вы делали кофе.

– Джейк зашёл в кабинет, чтобы узнать, как идут дела. Потом вышел и попросил меня помочь приготовить кофе для мистера Гранда.

– И вы поверили, что мистер Гранд попросил незнакомца, причём гостя компании, сделать ему кофе?

– Это звучит неправдоподобно, но... Возможно Джейк сказал, что собирается сделать кофе, и предложил остальным. Мистер Гранд согласился и извинился, что секретарь ушла домой. Что-то в этом роде.

– У вас богатое воображение.

Ничего не могу поделать, начинаю раздражаться. Я уже не раз ответила на эти вопросы и не могу оправдать глупость моего поступка. Никак. И повернуть время вспять тоже не могу. Не исключаю, что многие на моём месте попались бы в ту же ловушку, но от этого не легче.

– Кто делал кофе? – спрашивают меня в очередной раз.

– Кофеварка.

Мужчины отвечают внушительным молчанием, но оно не внушает мне ничего, кроме усталости.

– Джейк достал кружку и налил кофе. Я не следила за ним, поэтому не заметила, как он подмешал снотворное. Потом он пошёл в туалет и попросил меня отнести кофе мистеру Гранду. Я добавила много молока, как он любит, и отнесла кружку в кабинет.

– Откуда вам известно, что мистер Гранд любит много молока в кофе?

Такое чувство, что я закапываю себя всё глубже и неизвестно во что.

Глубокий вдох помог прийти в себя.

– Перед съёмками мистер Гранд сказал мне об этом.

– Значит, утром перед съёмками вы спросили мистера Гранда о его предпочтениях?

– Мы случайно встретились на кухне, и речь зашла о кофе.

– И вы узнали, какой кофе он любит.

– Случайно узнала.

Хочется завывать в голос. Любые, даже самые простые факты можно превратить в улики.

– Думаю, вам будет интересно узнать, что мистер Гранд в порядке.

– Я очень рада.

– Он сказал, что не просил фотографа принести кофе и удивился, когда вы поставили перед ним кружку.

– Очень жаль, что он не поинтересовался, с какой стати я принесла ему кофе. Он мог бы отказаться и не пить. Я слышала о результатах экспертизы, в кофе нашли снотворное. Я не имею к этому никакого отношения.

– Вы когда-нибудь принимали снотворное?

– Нет.

– Это правда, что в России можно купить лекарства без рецепта?

– Некоторые, да.

– Какие снотворные можно купить без рецепта?

– Не знаю, можно ли... Мне стоит нанять адвоката? Мне не предъявили обвинений, и я добровольно вызвалась содействовать расследованию, потому что мне нечего скрывать. Можете проверить мой телефон и почту, у меня нет знакомых в Англии, кроме коллег. Я никогда раньше не встречала Джейка...

Что бы я ни говорила, как бы искренне ни восклицала, факт остаётся фактом: кофе принесла я. И это не изменишь.

Мужчины достают из папки очередной снимок. На нём Джейк целует меня в нос.

– Посмотрите внимательно! – говорю, не дожидаясь вопросов. – На фотографии видно, что я подняла руку, собираясь оттолкнуть Джейка, а на видео это очевидно. Он застал меня врасплох. Близкие люди и сообщники так не целуются.

– А как целуются сообщники, мисс Серроувва? – Мужчина достаёт следующий снимок, на котором я улыбаюсь во весь рот. После поцелуя.

В углу кабинета молчит Лоренс, и его взгляд тяжелее тысячи обвинений.

Часы тянутся резиновой пыткой.

Уже сверкнула молния, и теперь, ошарашенная, я живу в ожидании грома. Несмотря на попытки скрыть случившееся, слухи разлетелись по компании в одночасье. Моя кожа кажется чувствительной от взглядов, от скольжения чужого шёпота, как от наждачной бумаги.

На мои вопросы отвечают вежливо и сдержанно, меня ни в чём не обвиняют. Пока что не обвиняют. Я переигрываю каждый разговор снова и снова. Кажется, что я неправильно отвечаю на вопросы, вызываю всё больше подозрений. Я выбрала адвоката, но так и не позвонила ему, потому что внутри меня содрогается протест. Я виновата только в глупости и не знаю, от чего защищаться. Русская рулетка невидимым оружием.

Бесцельно брожу по главному зданию компании, не в силах сосредоточиться. В одну из таких прогулок сталкиваюсь с Лоренсом. Он смотрит на меня так... мне не нравится, как он на меня смотрит. Как на подопытное животное, судьба которого предрешена.

Он ведёт меня в свой кабинет, усаживается в кресло, а я стою. Не потому, что он не предложил сесть, просто мне не усидеть на месте.

– Как самочувствие мистера Гранда? – начинаю с главного.

– Ему будет приятно узнать, что вы волнуетесь о его самочувствии. – Вежливость Лоренса совмещает в себе презрение и издёвку.

– Лоренс, не могли бы вы объяснить, что происходит. Я собираюсь позвонить адвокату. – Я говорю официально и строго, но в моей гортани клокочут пузырьки страха.

– Нет, я не могу вам этого объяснить. – В улыбке Лоренса есть нечто извращённое, и во мне зреет уверенность, что я только что осложнила мою судьбу.

Слова бурлят во мне, устремляются к поверхности, словно нуждаясь в кислороде.

– Я не виновата! Джейк выбрал меня, потому что знал, что я останусь позже всех и что мистер Гранд примет кофе из моих рук. Если бы секретарь была на месте, она стала бы мишенью, а так под руку попала я. Я ничего не знаю, ни с кем не связана... – Лоренс не слушает меня, отвлечённо смотрит в окно, и тогда я говорю неожиданное: – Я хочу пройти проверку на детекторе лжи.

Задрав подбородок, смотрю в светлые глаза советника по безопасности. Очень хочется связывь, спросить, где были его советы в критический момент.

– Увы, я не ношу детектор с собой, – отвечает он с издёвкой. – Но если вы закончили свою речь, Альюона, – растягивает моё имя, – то, может, позвольте мне кое-что сказать?

Лоренсу нравятся мои мучения, он впитывает мой страх и облизывается, желая большего. Я бессильна против его жестокости. Всё, что у меня есть, это вера в себя и гордость, поэтому я просто киваю.

– Пока идёт расследование, вам не стоит приходить на работу, – говорит он так торжественно, словно дарит мне путёвку на Канарские острова. – Вы свободны! – Делает жест двумя пальцами, показывая на дверь.

Если не знаешь, что сказать, лучше молчать, поэтому я выхожу в коридор и аккуратно прикрываю за собой дверь. Лоренсу лучше не видеть бурю в моих глазах.

Иду по коридору. Каблуки стучат раз-два. Позвоню адвокату, мне посоветовали хорошую контору. Предварительный разговор бесплатно, что очень кстати, потому что денег у меня немного. Всё будет хорошо. Я не виновата ни в чём, кроме глупости. Не виновата, не виновата. Приговариваю эти слова как считалочку, и сердцебиение постепенно успокаивается.

Следом за мной идут сотрудницы, я прислушиваюсь к их словам.

– Говорят, директор бледный и злой. Кто знает, что у него украли... конфиденциальные файлы, контракты...

– Думаю, он всё хранит в электронной форме, а не на бумажках.

– Так они и в почту влезли через телефон. Бедняга, его усыпили, ограбили, а теперь не пускают в собственный кабинет из-за расследования. Посадили Великого под самой крышей.

– Меня бы туда посадили! Знаешь, какие на пятнадцатом этаже кабинеты? Туда только совет директоров пускают. Ковёр толщиной сантиметров в пять, туфли утопают. Сплошной мрамор и позолота, как в музее.

– Но там пустые кабинеты, только бухгалтеры сидят в углу, и скука дикая. Упекли его, бедного, под крышу...

Женщины свернули в отдел, а я остановилась. Значит, Александр вернулся на работу. Он сейчас во временном кабинете на пятнадцатом этаже.

Иногда перед тем, как поступить опрометчиво, мы переживаем момент размышлений. Очень важный, решающий момент, который потом переигрываем в памяти и виним во всех бедах.

Как только я узнала, что Александр в здании, то всё для себя решила, однако притворяюсь, что обдумываю план действий. Мне не следует идти к директору. Это не может привести ни к чему хорошему. Он жертва, а я – случайная пособница преступления. Орудие врага. Когда остыну, смогу перечислить много доводов, почему мне надо срочно отправиться домой и позвонить адвокату.

Но вот я уже у лифта, нажимаю кнопку и жду. Не позволяю себе усомниться. В одном из телевизионных интервью Гранд сказал, что всегда доверяет инстинктам. Вот и я доверяюсь.

Это глупо и опасно, но я поступаю так, как велит сердце. Я собираюсь извиниться перед Александром Грандом. Хочу, чтобы он услышал правду от меня.

На пятнадцатом этаже тихо. Прохожу мимо конференц-залов, стучусь, заглядываю в кабинеты, гадая, в каком из них спрятали Гранда. Ненадолго останавливаюсь у панорамного окна, наслаждаясь видом. На покатых холмах разбросаны дома, как головоломка из тысячи кусочков, выпавшая из коробки. Насмотревшись, выхожу в коридор и застываю в полушаге.

Передо мной Александр Гранд.

Бледный, осунувшийся, но всё равно слишком привлекательный. Волосы в лёгком беспорядке, руки в карманах джинсов, под пиджаком белая футболка. Смотрит на меня, поджав губы.

Представляю, что он подумал! Женщина, подставившая его под удар, бродит по этажу совета директоров и заглядывает в кабинеты, шпионит.

– Нет-нет-нет... – тараторю, повышая голос, – не подумайте плохого, я ищу вас!

Оправдания звучат плохо. В любых обстоятельствах.

Александр молчит, а я топчусь на месте в поисках правильных слов. Сильных, искренних, способных убедить мужчину, которого я напоила снотворным, в моей невинности.

– Мистер Гранд, я пришла к вам, чтобы извиниться за моё невольное участие в этой неприятной истории. Прошу вас, поверьте, с моей стороны не было злого умысла! Только глупость.

– Глупость, – повторяет он. Без эмоций.

– Наивность. Доверчивость. Неопытность. Мне не следовало брать кофе из рук фотографа и приносить вам. Я не знала о планах Джейка, иначе бы ни за что ему не помогла!

Александр пробегается взглядом по моему лицу, хмурится. Кажется, он принимает важное решение, касающееся меня. Пусть, пусть оно будет хорошим! Справедливым. Пусть он мне поверит!

Качнув головой, он приглашает меня следовать за ним.

Закрыв за нами дверь кабинета, показывает на кресло. Сажусь на самый краешек. Сиденье оказывается слишком мягким, и я чуть не съезжаю задом на ковёр. Рядом дверь в личный туалет с душевой. Пахнет одеколоном Александра и мылом.

Пододвинув второе кресло, он садится передо мной, так близко, что его колени почти касаются моих. Я подбираюсь, стараясь уменьшиться до крохотного клубочка на сиденье, а он, наоборот, вытягивает ноги.

– Давайте, извиняйтесь! – говорит без раздражения и без особого интереса.

Вообще-то, когда говорят: «Я пришла, чтобы извиниться», это и есть извинение. Но ладно...

– Прошу прощения за то, что случайно, без злого умысла причинила вам неприятности.

– Какие? – спрашивает, изогнув бровь. Вроде невозмутимый, но в глазах пронеслось такое... я аж содрогнулась.

– Не знаю, какие неприятности. Никто не сказал, что именно у вас украли. Фотограф использовал меня, потому что я осталась позже других стажёрок. Он догадался, что вы возьмёте кофе из моих рук. Я не способна на предательство. Вы такой... вы...

К счастью, в лёгких не осталось воздуха, и мне удалось замолчать. Бессонные ночи, страх, чувство вины и влюблённость – это взрывной коктейль для мозга. Я пришла не для того, чтобы оправдываться, я просто хочу извиниться, но взгляд Александра режет меня насквозь.

– Какой я? – спрашивает он серьёзно. Ни за что не поверю, что директора интересует моё мнение, но ответить придётся.

– Вы умный, чуткий, интересный, щедрый... – Это совсем не те слова, которые говорит моё сердце, но другие, тайные, должны остаться только в моих мыслях.

– Почему ты считаешь меня щедрым? – Александр наклоняется вперёд, опираясь локтями о колени. В его тоне неожиданная фамильярность.

Под гипнозом его взгляда я даже дышу с трудом, прерывисто, но при этом удерживаю контроль, иначе наболтаю лишнего.

– На собраниях вы щедры на похвалу, внимательны к окружающим...

Александр склоняется ближе.

– А почему ты назвала меня чутким?

– Вы знаете, что сказать, чтобы людям было приятно. Чтобы они вам поверили.

– И ты мне веришь?

– Да, конечно, – отвечаю без заминки, потому что это правда. Александр задаёт мне вопросы, и это хорошо. Значит, мой приговор не подписан, и директор сомневается в моей причастности к преступлению, иначе бы он сразу позвал охрану.

– Во что именно ты веришь?

Этот вопрос застаёт меня врасплох. Когда говорят: «Я тебе верю», подчас не имеют в виду ничего конкретного.

– Я верю в то, что вы такой, каким кажетесь. В то, что вы хороший человек и выслушаете меня без предубеждений.

Александр протягивает руку, и я послушно даю ему свою.

– Ты хочешь, чтобы я тебе поверил, – констатирует. Проводит большим пальцем по моему запястью, и по телу бежит горячая волна.

Это интимный жест. Я вспоминаю корпоративные правила, в них целая глава про домогательства... Что за глупые мысли!

Смотрю на его руки. Ногти большие и чистые, с белым полукругом, кожа грубоватая, но без заусениц. Александр Великий не кусает ногти.

– Тебе страшно? – спрашивает. Его голос сочный, с хрипотцой.

Я поднимаю взгляд. Он улыбается, мягко, сочувственно. В сочетании с его бледностью и синяками под глазами это выглядит трогательно. Мне стыдно за мысли о домогательстве, да и кто кого домогается! За последние четыре недели я такого нафантазировала! Вот и сейчас путаю сочувствие с флиртом.

Александр отпускает мои пальцы, но я не позволяю ему отодвинуться. С силой сжимаю его руку.

– Мне очень страшно, – говорю со слезами в голосе. – Я не знаю, как доказать мою невиновность.

Александр кладёт вторую руку поверх моей, и мы смотрим друг на друга, соединённые двойным замком пальцев и моей надеждой. Кажется, он понимает меня, как никто другой.

– Я предложила пройти тест на детекторе лжи, но Лоренс посмеялся надо мной. Сказал, что не носит детектор с собой. – Бессознательно тяну наши руки ближе к груди.

– Ты спала прошлой ночью?

– Пару часов урывками.

– Что ты делала в остальное время?

Его слова, его звучный голос посылают очередную горячую волну по моей коже. Гранд привлекателен до чёртиков, и каждая его фраза звучит порочным намёком. Нет ничего соблазнительнее мужской силы. Я, слабая и потерянная, пришла к нему, а он держит меня за руку и дарит силу. Задаёт вопросы, волнуется, заботится. Это настолько сексуально, что я хочу запрыгнуть к нему на колени, прижаться к груди и сидеть, не двигаясь, пока кошмар не закончится. Пусть Александр обнимет меня, защитит от стервятников, кружащих над моей репутацией.

Я хочу, чтобы его сила помогла мне пережить момент слабости.

– Прошлой ночью я лежала в постели и старалась не думать.

Краснею, хотя в моих словах нет ничего предосудительного. Мы всё ещё держимся за руки и сидим слишком близко.

– Но как ни старалась, ты продолжала думать о случившемся. Переигрывала ситуацию снова и снова, мучая себя. – Александр понимающе улыбается.

Он меня понимает, и от этого становится легче дышать, будто с груди сдвинули надгробную плиту. Какой же он замечательный – помогает женщине, причинившей ему зло. Под веками собираются слёзы, и я запрокидываю голову, глядя на потолок, чтобы не заплакать. Когда я снова смотрю на Александра, он опускается передо мной на одно колено. Проносится шальная мысль: так мужчины делают предложение.

Верит ли он мне? Если нет, то остальные последуют его примеру.

Иногда тебя осуждают без обвинений. За причастность. За то, что ты оказалась не в том месте не в то время.

– Чем больше думаешь о чём-то, тем сложнее забыть, – говорит он, и я теряюсь в тепле его рук.

Он прав. Чем больше я о нём думаю, тем сложнее его забыть. Опускаю глаза, чтобы скрыть порочность моего взгляда.

– Говорят, надо просто не думать, но это сложно, – он придвигается ближе.

– Очень сложно, – соглашаюсь, решаясь подхватить его взгляд. Мы переплетаем пальцы.

Сейчас я не могу думать о правилах, о морали и этике. Происходящее разбивает границы моей реальности. Я сделала Гранда своим кумиром, недостижимым и поэтому безопасным, и вдруг...

Самый невероятный мужчина в мире опустил передо мной на одно колено, его второе колено касается моих, плотно сжатых. Его пальцы переплетены с моими, его сочувствие и понимание разлились во мне приятным опьянением.

– Невозможно сложно, – шепчет он.

Дыхание Гранда пахнет мятой и лимоном. Я часто дышу, от возбуждения и от желания выпитая в себя как можно больше роскошного мужского тепла. И защиты. Особенно защиты.

Смущает только его изучающий взгляд. Хотя нет, смущает и многое другое, ведь Александр по-прежнему незнакомец, да ещё и начальник, однако если его тянет ко мне так же сильно, как и меня к нему, то у нас будут проблемы с соблюдением корпоративных правил.

Опускаю взгляд на обтянутое джинсами мускулистое бедро, зажатое между моими коленями.

– Пожалуйста, поверьте, я не способна на предательство! Я бы никогда не причинила вам зла. Если бы я могла переиграть прошлое...

– Что бы ты сделала? – спрашивает он хрипло, его голос царапает губы чувственной негой.

– Я бы сама сделала кофе или проследила за Джейком... или спросила вас, хотите ли вы кофе...

– А что ещё ты хочешь изменить в прошлом? Например, в тот день, когда мы ехали в лифте.

Я растерянно хмурюсь, собираюсь сказать что-то про непальский мох и Урал-Байкал, но в мыслях туман. Я пришла просить прощения, но, возможно, получу нечто большее. Восхитительного мужчину, защиту, доверие...

Откровенный мужской взгляд скользит по моему лицу. Между нами дикое притяжение, и если мы отпустим себя, то фейерверк страсти осветит окрестности, нарушит взлёт и посадку самолётов в Хитроу⁵. Александр подаётся ближе, я тоже. Мы делаем крохотные движения друг к другу, хотя куда уж ближе, мы и так лицом к лицу. Губы к губам.

Перед глазами вспыхивают искры, и я заставляю себя дышать.

– Я бы... я...

Слова без смысла, без содержания. Снова оказавшись с директором в лифте, я бы ничего не сделала по-другому. Но мы связываем друг друга этими намёками, и становится жарко.

– Я бы тоже, – говорит он.

Ощущаю тепло его губ в сантиметре от моих, от этого кружится голова.

– Если вам причинили зло, скажите, и я помогу вам, чем могу. Я всё для вас сделаю! – Трудно смотреть в глаза, когда он так близко, но я улавливаю его улыбку.

На самом деле я понятия не имею, как помочь директору английской компании, у которого (с моей помощью) украли что-то важное.

– Тебе очень страшно, Алёна? – снова спрашивает Александр, впервые не искажая моё имя.

– Очень.

– Тебе одиноко?

Я резко вдыхаю. Этот вопрос царапает очень близко к сердцу.

– Очень. А вам? Вы отвечаете за компанию и за всех нас. Наверное, это очень трудно.

Моя наивная фраза, вырвавшаяся на пике эмоций, получает прямой ответ.

– Да.

Это «да» взрывает что-то внутри меня, прежде невидимый, неосязаемый резерв. Я, испуганная и загнанная в угол, вдруг чувствую силу и желание защитить прекрасного мужчину, показавшего мне свою слабость. Касаюсь его губ и замираю, не двигаясь. Он не целует меня, но и не отстраняется.

– Ты хочешь, чтобы тебе не было страшно? – спрашивает в мои губы.

– Да.

– Ты хочешь, чтобы тебе не было одиноко?

– Да.

Его рука опускается на мои колени.

⁵ Аэропорт на окраине Лондона.

Я задерживаю дыхание.

Знаменитое правило трёх «да», известное всем дельцам: заставь человека дважды сказать «да», и тогда третий раз – твой. Бесплатный.

Кто из нас сделал первый шаг? Я прикоснулась к его губам, но он стал на одно колено и взял меня за руки. Александр дарит защиту и спокойствие и понимает меня, как никто другой. Он давит, а я поддаюсь. Внутри меня слабость, недавно обнаруженная мягкость, и он ощупывает её, довольно урчит и давит сильнее.

Я ответила ему двумя «да». Третье станет решающим.

– Да? – спрашивает Александр.

– Да.

Он гладит мои пальцы, проводит сомкнутыми губами по подбородку. Уверенной рукой разводит мои бёдра. Каменная уверенность Александра купается в моей мягкости, во временной потерянности. Он застал меня в опасный момент, когда я остро нуждаюсь в защите и чужой силе, и он готов их дать. Это не домогательство, не плата за вердикт невиновности, а близость двух незнакомцев, познавших одиночество и страх.

Его губы касаются моих. Ладонь скользит под юбку, ногти царапают капрон колготок.

– Шире! – приказывает он, и я развожу колени, повинуюсь его воле. Костяшки его пальцев потирают промежность, и моё тело тяжело оседает от похоти, как сырое тесто.

Александр с трудом контролирует дыхание, роняя на меня рваные полувздохи.

– Алёна... – басит. Опускает голову, проводит носом по моему бедру, и я плыву в чистой похоти. В принадлежности сильному мужчине, который решит мои проблемы, придаст смысл и направление моей жизни, пока я не приду в себя. Я горю от потребности раскрыться и впустить его силу.

Он ловит моё хныканье губами, но не целует. Дёргает за бёдра с такой силой, что я сползаю с кресла и оказываюсь в его руках. Он раздевает меня с неожиданной ловкостью, даже колготки, и те исчезают за несколько секунд. Сам остаётся одетым, только скидывает пиджак. Я ожидала нежность, поцелуи, объятия, но вместо этого получаю животную страсть. В этом нет ничего удивительного. Страх – это животный инстинкт, страсть тоже. Между нами страх и страсть.

Слежу за Александром в похотливом полусне. В страсти он совсем другой. С горящими глазами, одержимый, торопливый. Срывает заколку и хватается за мои волосы, сжимает зубы вокруг соска. Он не растрачивается на поцелуи, не медлит. Ему нужно всё и сразу, как в бизнесе, так и в сексе. Вот он какой, Александр Великий.

Его пальцы горят во мне, толкаются почти грубо. Он спешит, страсть рвётся из него вспышками.

Я держусь за его плечи, наклоняюсь, тянусь к ремню джинсов. Приподняв меня, он всё делает сам. Склоняется ближе, покрывая мой живот лёгкими укусами. Мне хочется, чтобы он крепче сжал зубы. Чтобы метки держались неделями. Чтобы он снова захотел их увидеть, провести по ним языком и пальцами.

Александр хрипит моё имя, и я сползаю ниже. Мягким, бесхребетным животным насаживаюсь на него. Жёсткая хватка мужских рук возбуждает ещё сильнее, наша страсть хлюпает, стекает по бёдрам. Александр поворачивает меня на бок и снова входит, сильно.

Я хватаюсь за кресло, оно ползёт по ворсистому ковру. Давлюсь животными стонами, почти криками. Происходящее и рядом не стоит с вежливым приличным сексом, который был у меня до сих пор. Александр матерится и ускоряется. Я сжата, спелёната его объятиями и еле дышу. Обычно я помогаю себе кончить, иначе никак, но сейчас на это нет времени. Я сдалась Александру целиком и полностью, и мы вместе взбираемся вверх с невероятной скоростью. Он впивается зубами в кожу над моей лопаткой, тянет на себя, словно животное, рвущее плоть. Чуткие слова прелюдии не подготовили меня к нагрянувшему шквалу страсти.

Его движения становятся грубее, хаотичнее, и я открываю рот в безмолвном крике надвигающегося оргазма. Хорошо, что безмолвном, иначе бухгалтерия в конце коридора... не стану об этом думать.

Я кончаю, впервые не думая о том, как выгляжу в данный момент. На губах пузырится слюна, глаза закатились. Александр следит за мной, его глаза горят, и я вбираю в себя его восторг, отталкиваюсь от него, чтобы забраться выше, чтобы кончить сильнее. Влюбляюсь в него в тысячи раз глубже, если такое вообще возможно. В странном, неопознанном порыве тянусь ближе и прикусываю его губу. Он в ответ прикусывает мою, а потом громким «Аооа!» выдаёт наши тайны пятнадцатому этажу, впечатывая меня в кресло последним толчком.

Я считаю чёрных мушек перед глазами. Когда я назвала Александра идеальным, я ошибалась. Он более чем идеален. Он сила. Он грех, роскошный порок. Падение, ради которого стоит жить.

Я захлёбываюсь романтическими эпитетами, когда слышу хриплый голос Александра.

– Я в тебя кончил, – пишет горячим дыханием на моей спине. Помечает меня этими словами.

Я зализываю укус на нижней губе, говорить пока не могу. Грудь ноет от незнакомой грубости, но мне дивно хорошо. Всё по-женски слабое, мягкое, что тянулось к сильному мужчине, вышло наружу. Исчезло с разрядом оргазма, как духота после грозы.

Отстранившись, Александр застёгивает джинсы.

– Я не использовал защиту и кончил в тебя, – поясняет медленно, словно пытаюсь облегчить понимание для иностранки.

– Я принимаю противозачаточные таблетки и ничем не больна. – Поздновато это обсуждать, но всё же.

– Я трахаюсь только с защитой, – бросает он, кривя губы.

У меня есть очевидное доказательство, что это не так, но я не спорю. Меня задевает его грубость, его выбор слов и брезгливый тон.

Я всё ещё полулежу в кресле, голая, а он уже надел пиджак.

В кабинете прохладно, на моих предплечьях мурашки, но я не успеваю подняться, как Александр наклоняется ко мне, к моим губам. Я подаюсь ближе за поцелуем и улыбаюсь светлоскарикам глазам.

Он замирает в паре сантиметров от моего лица.

– А теперь пошла вон! – чеканит с оглушающей ненавистью.

Чтобы до конца понять значение этих слов, мне потребовалось не меньше минуты. Всё это время я не сводила глаз с Александра. Он не устыдился, не передумал, не извинился. Не отвёл взгляд.

– Пошла вон! – повторил с арктическим холодом в голосе. – Выметайся отсюда!

Я испугалась, что он выкинет меня в коридор голой. Вроде знаю, что он так не поступит, директор компании всё-таки, но... верю ледяной ненависти его взгляда. Он выкинет меня голой в коридор и пнёт ногой в задницу. А последствия зачистит Лоренс. Он частный консультант и работает только на Александра, ему плевать на корпоративные правила.

В спешке натягиваю юбку и рубашку. Стою в недоумении, держа в руках трусики, лифчик и колготки. Надеть или не хватит времени?

Александр стоит спиной ко мне и смотрит в окно. Быстро натягиваю трусики, путаюсь в колготках. От сломанного в порыве страсти ногтя в капроне появляется дырка. Скомкав колготки, бросаю их в мусорное ведро.

В растерянности поворачиваюсь к Александру. Его спина напряжена, кулаки сжаты, мышцы шеи выделяются тяжами. Его поведению есть только одно объяснение – ненависть.

Стараюсь не думать об этом, потому что думать слишком больно. Зажимаю лифчик под мышкой, надеваю туфли на босые ноги и выхожу в коридор.

Александр не оборачивается.

К счастью, в коридоре пусто. Работники бухгалтерии не спешат полюбоваться на русскую шпионку, стоящую посреди коридора с лифчиком в обнимку.

Всего полчаса назад у меня была вера в себя и гордость. И влюблённость в придуманного кумира. Осталась только вера в себя, да и то изрядно пошатнувшаяся. Но я буду держаться за неё изо всех сил.

Я ещё не раз мысленно вернусь к этой сцене, ругая себя за то, что не накричала на Александра, не высказала всё, что думаю о его мерзком поступке. О том, как он давил на болевые точки моей наивной души, как шептал нужные слова, как играл с моим доверием. Всё это, чтобы унижить, отомстить, втоптать в грязь.

Но в тот момент я ни о чём не думала. Не успела возмутиться. Я была влюблённой женщиной, жестоко использованной мужчиной, которому раскрыла своё сердце.

Я пыталась попросить прощения у Александра Гранда. Результаты этой попытки стекали липкими дорожками по моим бёдрам.

Суэта и перешёптывания оказались прелюдией к скандалу настолько грандиозному, насколько невероятному. Усыпив директора с моей помощью, Джейк получил доступ к рабочей и частной информации в телефонах Гранда. Джейк. Симпатичный блондин с задорной улыбкой. Дирижёр скандала. Представляю, как он смаковал свою власть над Грандом – фильтровал информацию, выбирал самое интересное и постепенно выкладывал в сеть в местах, где подавить распространение информации не так-то просто. Сайты закрывали, странички стирали, но оставался след. И слухи.

Скандал разразился в три волны. Первая волна была рабочей.

«Косметический босс сотрёт компанию с лица земли!»

«Близится конец всеми любимой косметической компании, ставшей незыблемой частью столицы. Нанятый год назад на должность генерального директора, известный финансист и бизнесмен Александр Гранд собирается стереть компанию с лица земли – разбить ее на части и продать конкурентам, оставив только лабораторию инновационных биотехнологий. На прошлой неделе он заручился согласием совета директоров...»

В этой волне скандала смешались негодование, слёзы, возмущение и страх. Нанятый, чтобы спасти компанию, Александр стал её погибелью. Как генеральный директор, он, конечно же, вправе определять стратегию компании, особенно если его поддерживает совет директоров. Возможно, его и наняли для успешной продажи. Однако внезапное разоблачение планов не могло не привести к скандалу. Вдобавок ко всему в интернет попали тексты некоторых писем, язык которых обличал Александра как человека безжалостного и саркастичного. В Англии эти страницы блокировали, люди Гранда реагировали быстро, но выследить источники не удавалось, не во всех странах те же законы и правила.

Александр рассказывал работникам компании о будущем, которого не существует. Он лгал.

Вторая волна скандала была почти предсказуемой.

«Русские разоблачают планы косметического босса»

«Разоблачение планов косметического босса Александра Гранда не обошлось без вмешательства русских. Стажёрка Алёна Серова втёрлась в доверие к Гранду и принесла ему кофе со снотворным, что позволило неизвестному фотографу получить доступ к рабочей и частной переписке финансиста...»

В газетах скандал окрестили косметическим Кофегейтом, намекая на политический скандал Уотергейт, который закончился отставкой американского президента Ричарда Никсона.

Хотя большинство коллег не верили, что я замешана в так называемом «разоблачении», поручиться за меня никто не решался. Мало ли что бывает... На мне скрещивались десятки взглядов, вопрошающих, обвиняющих и просто любопытных. Я даже видела их во сне.

Джейка до сих пор не нашли, хотя следов он оставил много – записи камер, свидетели, копия поддельного удостоверения и даже телефонный номер, с которого позвонили настоящему фотографу, чтобы перенести съёмки. Но все эти ниточки никуда не привели.

Второй фотограф, который ушёл раньше Джейка, был из другой газеты. Его показания ничем не помогли делу, но сделанные им фотографии использовали в статье о стажёрках. На одной из них мы с Грандом стоим рядом. Он спокойный и суровый, а я счастливая до звёздочек в глазах. В тот момент Гранд коснулся моей руки. Как вспомню, начинается изжога.

Газеты я не читала, новости не смотрела, в сеть не лезла. Один взгляд – и как током бьёт в самое сердце. Идиотские, невыносимые комментарии.

Хотелось закричать на весь мир о презумпции невиновности.

Невиновности, которую я не могу доказать. Потому что есть факт, с которым не поспоришь: я действительно принесла кофе директору. Над этим можно глумиться, в этом можно видеть заговор.

А потом началась третья волна скандала, личная. Во втором телефоне Гранда была частная переписка, а также фотографии. Его подруга оказалась не супермоделью нижнего белья, а менеджером отеля, и когда она узнала, что Гранд изменяет ей с танцовщицами ночного клуба, она закатила публичный скандал. Это подарило ей временную, но ох-какую-сладкую популярность, которая пришлась обиженной женщине по душе. Она с готовностью рассказала о невыносимом характере Александра и его непостоянстве. А также о постельных секретах. Например, о том, что Гранд груб и требователен, не тратит время на прелюдию и не позволяет ей разговаривать во время секса.

Хотя... последнее откровение не удивило тех, кто смотрел интервью обиженной подруги Гранда, полное занудной болтовни. Зрители поневоле сочувствовали поруганному финансисту.

Танцовщицы внесли свою лепту в создание интимного портрета Гранда, назвав его самым раскрепощённым из финансистов. Поговаривали о скором издании скандальной книжонки под названием *«В постели с деньгами. Велик ли Александр Великий?»*.

Этот скандал был отвратительным, хотя и его подавили очень быстро.

Кстати, Ева права, танцовщицы оказались двойняшками.

Не сомневаюсь, что в момент нашей памятной встречи на пятнадцатом этаже Александр уже знал, какой кошмар его ожидает. Он презирал себя за промах, а меня он ненавидел. Люто, до искр в глазах, до слепого желания разорвать мою плоть зубами. Обещая мне защиту, покаяв своё тело своим, он ненавидел меня. Наказывал. Мстил.

Он знает, что меня подставили, но бремя скандала настолько невыносимо, что Гранду нужна ненависть. Другие чувства слишком слабы, несущественны. Я принесла ему скандал в чёрной кружке с надписью «Босс», а в ответ он унизил меня, размазал по ворсистому ковру. Мои извинения и комплименты он воспринял как манипуляцию, попытку вызвать жалость, и от этого возненавидел меня ещё сильнее. Ему плевать на этику: нет компании, нет правил.

Иногда мне до одури хочется пожаловаться на Александра, посмотреть на выражение лица Дороти из отдела кадров, когда я скажу, что директор поймел меня в кожаном кресле пятнадцатого этажа. Но жаловаться не на что. Да, он воспользовался мной, но я сама предложила, сама себя обманула, сунула ему в руки свою влюблённую наивность.

Я не живу, а существую. С того момента, как вышла из кабинета на пятнадцатом этаже. Как спряталась в туалете и наспех надела лифчик. Как добежала до дома, не ощущая холода, и провела полчаса в душе. Безжалостно тёрла тело, впитавшее в себя следы Гранда.

Смыть его не удалось.

Стереть его из памяти не удалось.

Наивность вытекала из меня вместе с влюблённостью, они выходили слезами, солью, потом из каждой поры. Даже дыханием. Я выдыхала всё, что накопилось за последние недели, – восхищение, иллюзии, беспечность и доверие. Презирала нас обоих, но себя в большей мере. Сказала себе, что это дно. Мерзкий ил, грязь, предел, и теперь я могу оттолкнуться от него и плыть вверх.

Если ты случайно разрушила чью-то жизнь, где искать прощение?

Если человек отомстил тебе так мерзко, что впору выть, стоит ли считать это справедливым возмездием?

Получил ли Гранд удовлетворение от мести? Не думаю. Когда ты горишь в недрах кошмара, одной мести, даже изошрённой, недостаточно. А значит, это не конец.

Я провожу время в своей комнате под обвиняющими взглядами соседок, под их злой заговорщический шёпот. Стажировка была их шансом заработать деньги и запустить карьеру. Если бы не скандал, они бы успели закончить обучение до продажи компании. А теперь на работе царит хаос. Коллеги вроде рады разоблачению Гранда, а вроде нет. Продажа компании займёт долгое время, и многие предпочли бы провести его в счастливом неведении. Знать правду хорошо, но... не очень. А порой правда мешает.

Мне помогает адвокат, мою свободу не ограничивают. Есть только взгляды и шёпот за спиной. И невидимое клеймо причастности, которое запечатает моё будущее. Скоро я договорюсь о разрыве контракта и вернусь домой. Я не теряю веры в себя, а это главное. Однажды я найду способ очистить свою репутацию, обязательно.

Хотелось бы понять, почему судьба поступила со мной так жестоко. Однако отдам ей должное, моя мечта сбылась: Александр Гранд запомнит меня навсегда.

Как и я его.

Прошло несколько дней длиною в вечность, и вот я снова стою перед Александром Грандом. Было непросто войти к нему в кабинет, где всё начиналось. Я не видела его со дня... с пятнадцатого этажа, но не подумайте, что я скучала. Никогда, даже в газете, даже в ночном кошмаре не хочу больше видеть его лицо. Особенно в ночном кошмаре.

Я пришла на работу, чтобы сдать проект начальнице. Пришлось пройти мимо приёмной Гранда, другого пути нет. Обе двери оказались открытыми.

– Алёна!

Отвечать не хотелось, но вот в чём проблема: когда трах... когда заводишь отноше... когда трахаешься с директором компании, что бы ни случилось, он по-прежнему твой начальник.

– Алёна!

Научился произносить моё имя и теперь повторяет как попугай. Однажды этот мужчина приводил меня в восторг одним взглядом. Однажды я придумала себе кумира и влюбилась в него. Однажды я горько разочаровалась в Александре Великом, а больше всего в себе.

– У вас есть что мне сказать? – спросил строго. Судя по злomu, прищуренному взгляду, его ненависть не утихла.

– Нет.

– Говорят, вы в плачевном состоянии, Алёна.

Этот слух распустили соседки. Да, я брожу по квартире по ночам. Да, иногда я плачу. Но я держу себя в руках и не теряю оптимизма. И не покажу Александру мою слабость, прошлого урока хватит на всю жизнь.

– Слухи, Александр, они такие слухи! – с усмешкой повторяю однажды сказанную им фразу.

Он улыбнулся. Нет, оскалился.

В этот момент за моей спиной появился Лоренс. От одного его взгляда меня пробрал холод. Кивнув, он прошёл в кабинет и разместился на подоконнике.

– Я пропустил что-то важное?

Гранд не сводил с меня глаз, и от его взгляда внутри кипела желчь. За эти дни он похудел, ещё больше осунулся. Скандалы нарисовали тени под глазами, кривые линии морщин.

Осмотрев меня с головы до пят, Гранд заключил.

– Мне нечего вам сказать, Алёна Серова!

– Полагаю, что именно для этого вы меня и позвали, – ответила без задержки. Пусть Лоренс знает, что я зашла в кабинет не по собственной воле.

Гранд поджал губы, моя дерзость ему не понравилась. Пусть! Не он меня выгоняет, а я ухожу. Сама. И последнее слово будет за мной.

– Однажды вы задали вопрос, и я на него не ответила. Это я придумала прозвище «Александр Великий».

– Я знаю, – сказал Гранд, выдержав паузу.

Я поймала его прищуренный взгляд.

– А теперь я забираю его обратно.

Дверью хлопать не стала. Я не истеричка, а обычная разочарованная женщина.

– Я на дне, – повторяла в такт шагам. – Ил, грязь, планктон, мерзкая слизь. Темнее всего перед рассветом. Хуже уже не будет. Никогда.

Гранд не мигая смотрел на закрывшуюся дверь приёмной, где минуту назад стояла Алёна. Потом вскочил с кресла в порыве остановить маленькую мерзавку. Их разговор не окончен, он докажет, что ей хуже, чем ему. Что она слабее, ей нужна помощь.

Ей нужен он, Александр Гранд.

Виновата она или нет, не имеет значения. Репутация – вот, что правит миром. Причастность к скандалу порой разрушает даже невиновных. Но он не уверен в том, что Алёна не виновата. Не после того, как она флиртвала с фотографом.

Гранд заставил себя сесть на место и успокоиться.

Ирония судьбы решила очень многое. Алёна раздавлена, не успев начать взрослую жизнь, а он, Гранд, выйдет победителем. Скандал быстро подавили, оставив пикантные следы. Его репутация стала только интересней. Все и так знают, что он безжалостен в бизнесе, так что решение разбить и продать компанию по частям удивило только наивных. Однако, став жертвой обмана, он показал свою уязвимость, а публика это любит. Красивый, успешный мужчина, заядлый грешник, да ещё и жертва предательства. Какая женщина не захочет его пожалеть и приласкать? Отсюда и популярность.

Но вот проблема: Гранд ненавидит скандалы и презирает публичность. Каждый час этого Ада выворачивает его наизнанку. Штопором выкручивает душу. Он ненавидит каждое сказанное и написанное слово, особенно потому, что многие из них – правда.

Гранд потратил на косметическую компанию целый год, потому что не смог отказать отцу школьного друга, члену совета директоров. Тот попросил привести компанию в порядок и продать подороже. С его же подачи Гранд согласился взять стажёрок в очень неподходящий

момент, когда уже планировал продать компанию. Такие сделки быстро не делаются, но всё же... И вот, доигрался. Маленькая русская вмешалась в его жизнь, а он, Гранд, это допустил.

Он добился успеха благодаря инстинктам, и они не ошиблись и в этот раз. С первого взгляда он знал, что Алёна станет проблемой. Она раздражала, отвлекала. Не слушала его на собрании, а потом заговорила так, словно ей принадлежит весь зал, и она, королева, снизошла до подданных. От её голоса у Гранда пересохло в горле. Инстинкты забили тревогу, требуя избавиться от девчонки без промедлений. Смотрела на него со слепым обожанием, хотя ничего о нём не знала. Ей плевать, что он за человек, ей достаточно глянца. Она обомлела, увидев его в лифте, даже поехала с ним в гараж. Заикалась, когда несла какую-то чушь о проекте. Гранд хотел, чтобы она флиртовала, чтобы восхитилась его машиной, оранжевой спортивной красавицей. Представлял, как уложит её на капот и задерёт юбку. Как она будет стонать, восхищаться его членом и движениями. Спать со стажёркой он не собирался, но представлять это было приятно. Он хотел упростить Алёну, привести к общему знаменателю, потому что она выделялась, настораживая инстинкты.

Но Алёна не вышла с ним в гараж. Не заигрывала. Её интересовал непальский мох, а не член Александра Гранда.

Она настолько доверчивая и светлая, что от её взгляда режет глаза. Впервые вдали от дома, чужая страна, язык, люди, а она слепо ждёт только добра. Хотелось встряхнуть Алёну и толкнуть во тьму. В реальность. Жизнь сделала это за него, а он добавил.

Она придумала ему прозвище, завидное. За такие платят, подкупают друзей, чтобы те помогли им прижиться. Алёна отпустила пару шуток, и через день новое прозвище знала вся компания.

Александр Великий

Гранд заработал миллионы, доверяя инстинктам. Они и в этот раз оказались правы: Алёна погрузила его в кошмар. Отвлекла его, заразила доверием. После года в сонной, тихой компании он забыл, что такое риск. Расслабился! Раньше вообще не подпускал к себе людей, не пил и не ел из чужих рук, а тут выпил. Сам не понял, как это случилось, но взял кружку из её рук и сразу глотнул. Попался настолько по-глупому, что стыд душит каменной глыбой.

А дальше – месть. Как огонь в горле. Ненависть к себе, идиоту, потому что попался. Потому что пока был в больнице, его женщины вышли из-под контроля, как сговорились. Потому что в телефоне и в почте тьма личных фотографий. Недруги хотели предупредить его, но придавили по полной, не смогли упустить шанс, упавший в руки.

Нет ничего отвратительнее слабости.

А стажёрка... даже когда пришла к нему на пятнадцатый этаж, она не была слабой. Она не умоляла, она, видите ли, хотела помочь! Отправила его в Ад, а сама явилась следом, принесла себя, как грёбаный подарок. И он взял подарок, развернул, растоптал и выкинул.

По спине пробежала судорога, как электрический ожог. О сексе думать не хотелось, и так настрой не рабочий. Он наказал Алёну, жестоко наказал, сам от себя не ожидал такого. Он, конечно, не без греха, много чего натворил на пару с Лоренсом, но чтобы наказывать собой – это впервые. Заставил Алёну довериться ему, а потом втоптал в ковёр. Выгнал её из кабинета, полуголую и шокированную, а сам будто разрывался надвое, ненавидя себя за то, что сделал, и одновременно жаждая продолжения мести. Это ж до чего надо дойти, чтобы вытворить такое? Да ещё полностью потерять контроль. Чтобы ярость пузырилась, шипела, заглушая разум, чтобы звереть от каждого восторженного, доверчивого слова и мстить. Всем телом мстить, зубами хвататься за нежную кожу. Наивная, Алёна посчитала это страстью, и от этого ему сорвало крышу. А ведь он давно не мальчик, нарастил себе эго и решил, что он выше слепой похоти.

И вот...

Животная месть.

Но и после этого он не успокоился.

Он ненавидел себя за слабость, и стажёрка стала частью этой ненависти, её корнем и вдохновением. Мысль об ней раздражала его, как песок в глазах. Он узнал, когда Алёна придёт на работу, оставил двери открытыми и ждал. Хотел проверить, сломлена ли она. Станет ли плакать и умолять. Раздавленная на его ковре, она бы выглядела прекрасно. Тогда Гранд почувствовал бы себя отмищённым и смог бы забыть, что Алёна сделала его слабым.

Тогда он перестал бы о ней думать.

Гранд вдруг осознал, что у него каменная эрекция, и в недоумении посмотрел на брюки.

Его возбуждает власть, контроль над ситуациями и над жизнью в целом. А сейчас его завела не власть над девчонкой, а её реакция. То, как она гордо вышла из приёмной, словно не её жизнь только что раскололась на части. Хотелось крикнуть ей вслед: «Врёшь! У тебя ничего не осталось! Тебе конец!». Однако Гранд предчувствовал, что даже после этих слов она не рухнет на коричневый ковёр приёмной и не станет умолять о пощаде.

Он никогда не знал ярости разрушительнее и горячее. И неразумнее тоже. Не мог найти её корней, не знал, как с ней справиться.

Он опустил взгляд и какое-то время смотрел на член, словно вёл с ним переговоры. Потом отвернулся к окну, глядя на чёрные скелеты деревьев, побитые ледяными дождями. Пытался понять, кто кого разрушил, пытался определить баланс силы между ним и маленькой русской. Но так и не смог. Ничего страшного, он всё исправит. От стажёрки ничего не останется, только несостоявшаяся карьера и репутация со штампом промышленного шпионажа. Тогда он сможет успокоиться и забыть, что, уходя, Алёна выглядела намного более цельной и сильной, чем он сам.

Александр не умел жить, ощущая себя слабым. Контроль должен быть только в его руках, так заложено природой, его природой.

Лоренс, его старый друг и советник сидел на подоконнике, болтая ногой. Вместе они основали две компании и финансировали немало других. Вместе они нарушили десяток законов и отпраздновали это хорошим виски. Вместе они превращают деньги в очень большие деньги и решают любые проблемы. Так было всегда.

– Когда ты успел её трахнуть? – насмешливо спросил Лоренс.

– Как только вышел из больницы, – машинально ответил Гранд, не поворачиваясь к другу.

– А я-то гадал, почему ты так спешил с выпиской! И как, полегчало?

– Нет.

– Ты ей что-нибудь повредил? Будут жалобы?

Гранд бросил на друга испепеляющий взгляд.

– Нет. – Через несколько секунд ворчливо добавил: – Такие, как она, не жалуются.

– Надеюсь, предохранялся?

– Не твоё дело!

– О как... Если не ошибаюсь, у вас в роду были близнецы. – Лоренс рассмеялся, искренне наслаждаясь раздражительностью друга. – Будем ожидать пополнения семейства Грандов. Если позволишь, я сам поделюсь новостью с твоей матерью, уж очень хочу стать свидетелем её обморока.

– Алёна на таблетках.

– Уверен?

– Нет.

– Если хочешь, я тоже могу её...

Гранд ответил ругательством, обозначившим твёрдое «нет».

– Не горячись! – Лоренс дружелюбно усмехнулся. – У вас с Алёной много общего: вы оба презираете себя за то, что оплошали. Она напоминает мне тебя в молодости – гордая,

амбициозная, только вместо твоей самодовольной рожи – симпатичная мордашка. Кстати, как тебе русская? – Ещё одно ругательство в ответ. – Думаю, что зажигательно, раз ты забыл о резинке, – философски рассудил Лоренс. – Теперь самое главное – успокоиться.

Гранд повернулся вместе с креслом и уставился друга исподлобья.

– Избавься от неё!

– Напомнить тебе значение слова «успокоиться»?

– Я не хочу её видеть! Никогда! – отчеканил Гранд.

Какое-то время они молчали. Сказанное оседало между ними пеплом после пожара. Первым заговорил Лоренс. Вкрадчиво, спокойно.

– Давай лучше поговорим о деле. Бертрам только что вернулся в Париж. После новостей о твоём скандале в его офис доставили ящик коньяка, и он раздарил бутылки менеджерам.

– Чего ты ждёшь? Мы знаем, что за этой историей стоит Бертрам. Он спрятал фотографа, и мы зря тратим время на его поиски. Надо прижать Бертрама!

– Ещё рано, мы не готовы. Это серьёзное дело.

– Да, серьёзное, но простое. Бертрам заработал деньги на акциях компании его друга. Нелегально. Ты начал это расследовать, и ко мне тут же подослали фотографа в качестве предупреждения. По-моему, всё понятно. Если Бертрам воспользовался инсайдерской информацией, то в этот раз он от тюрьмы не открестится. Достань доказательства, и он за решёткой.

Лоренс раздражённо махнул рукой.

– Ты и сам знаешь, что всё не так просто. Наберись терпения!

– Сначала я отомщу Бертраму и только потом сдам его полиции. Раскопай любую грязь, я всё использую. Узнай, с кем он спит, кого обманывает, куда ходит, чем занимается его жена...

– И дочь? Она вроде как была малолетней преступницей?

Гранд поморщился.

– Теперь выросла, но ничего не изменилось. Невыносимая девица.

Вражда с Бертрамом Ши уходит корнями в юность Александра. В последнем раунде они с Лоренсом перекупили акции компании Бертрама и наткнулись на информацию об инсайдерской торговле. И вот прилетел ответ. Беда в том, что с каждым раундом ставки всё выше.

Но это так, философия, потому что именно от таких игр Лоренс получает истинное удовольствие. Отслужив в армии и получив степень магистра в области бизнеса, он несколько лет работал во французской службе безопасности, а потом познакомился с Грандом, и вместе они основали свою первую фирму. Вот это было время! Вот это были игры! А теперь... жизнь обмельчала, потеряла остроту вкуса. К счастью, косметическое приключение Гранда подходит к концу. Скоро они займутся новым проектом, и тогда жизнь снова станет интересной.

Лоренс соскочил с подоконника и, не прощаясь, направился к двери. Он надеялся уйти до того, как Гранд вспомнит об Алёне Серовой.

– Лоренс! – голос друга настиг его в дверях.

Советник остановился, не оборачиваясь.

– М-м-м?

– Тебе не удалось меня отвлечь, – усмехнулся Гранд. – Избавься от неё!

Лоренс предпочитал говорить о бизнесе. Соперничество между Грандом и Бертрамом Ши было долгим, жестоким и очень интересным. Именно ради авантюры и ради больших денег Лоренс бросил прежнюю работу и держался рядом с Александром. А преследование русской стажёрки – это блажь и скука.

– Мы уже проверили, за Алёной никто не стоит, – терпеливо напомнил Лоренс. – Никаких связей с Бертрамом. У неё никого нет, кроме старой бабки в России. Она обычное скучное создание дамского пола, крайне невезучее и доверчивое. Ты сам виноват – расслабился, погряз в лосьонах и кремах. Такая грубая работа, а ты попался! Да ещё хранишь в телефоне всякую хрень, и бабы твои вышли из-под контроля...

– Избавься от неё! Пусть убирается в свою дыру и не высовывается. Сделай так, чтобы и там у неё не было просвета в жизни.

– Успокойся, а? Ты и сам знаешь, что ослеп от ярости. Алёна не стоит таких усилий.

– А каких усилий она стоит? – Гранд поднял на друга тяжёлый взгляд. Скандал превратил его в одержимого безумца, срывающегося на всех и вся.

– Никаких! Она осознала свою глупость, извинилась, а ты её наказал. Вот и славненько, все по домам. Подумаешь, облажался один раз, тоже мне, трагедия!

Лоренс сразу понял, что совершил ошибку, перешёл невидимую и очень тонкую границу допустимого.

Гранд сжал губы.

– Запиши свои советы на туалетной бумаге, и я прочитаю их на досуге. А теперь делай то, что я сказал!

Лоренс не вмешивается в дела косметической компании, но, к сожалению, в его обязанности входит решение личных проблем Гранда. В данный момент проблемой стала русская стажёрка, обнажившая слабость друга.

– Договорились, я сделаю так, чтобы Алёна вернулась в Россию, – пообещал Лоренс и вышел из кабинета, не дожидаясь, когда Гранд заговорит о сроках её отъезда. Спешить Лоренс не собирался, и тому имелись две причины. Первая – невольное сочувствие к глупой девчонке, невиновность которой написана на её симпатичном лице. На лице, безусловно влюблённом в Гранда. Она хоть и держалась молодцом, но смелость была напускной. Встреча с мужчиной, который трахнул её из мести, не могла пройти бесследно. Если повезёт, Алёна сама решит вернуться в Россию, и всё закончится быстро и просто.

А ещё Лоренса заинтересовало странное поведение Гранда. После ухода русской он задумчиво пялился на свой член, забыв о присутствии друга. Что бы ни происходило в штанах великого финансиста, инстинкты Лоренса вопили, что у этой истории будет продолжение.

Лоренсу повезло. Когда он вошёл в квартиру Алёны, она уже паковала вещи.

– Собираешься в отпуск? – жестоко пошутил он, проходя на кухню без приглашения. Отвратная квартирка пахла смесью женских запахов, цветочных и мыльных. При мысли о том, что когда-то и он сам прозябал в такой, Лоренс содрогнулся.

– На Канары, – невозмутимо ответила Алёна, следуя за ним.

Следует признать, что нервы у маленькой русской неплохие, раз даже шутит в такой момент. Вся такая собранная, аккуратно одетая, даже макияж при ней. А ведь он ожидал увидеть её рыдающей и в грязном халате.

Ей наверняка непросто, а ведь Лоренс мог бы помочь... Он попытался представить, какова Алёна в постели, стоит ли она усилий. С гордыми женщинами сложно, их приходится долго обрабатывать. Иногда они стоят затрат, иногда нет.

Что в ней особенного, что разбудило член Гранда в такой неподходящий момент?

– Куда собралась? – спросил ворчливо.

– Далеко. – Алёна сдержала другие слова, грубые. – Я обсудила ситуацию с отделом кадров, с полицией и с адвокатом и знаю мои права.

Лоренс осмотрел её с ног до головы, в нём заворочался охотничий инстинкт.

– А ты знаешь, кто я такой? Я не работаю на отдел кадров, Альоона Сероува. – Лоренсу нравилось коверкать её имя. Нравилось подходить к ней ближе, ища волнение на её лице.

– Вы советник по вопросам безопасности.

– И о чём это тебе говорит?

– Вы обеспечите мою безопасность?

Маленькая русская над ним смеётся?! Лоренс впервые посмотрел на Алёну с настоящим интересом.

– Какие у тебя планы? – спросил почти по-дружески.

– Как только договорюсь с отделом кадров и с начальницей, вернусь в Россию. А пока переезжаю в гостиницу. – В её голосе не было ни вызова, ни обиды.

– Чем тебе не угодила эта квартира?

– Соседки. – Алёна выразительно изогнула бровь.

Лоренс хмыкнул, представив, как стажёрки набросились на виновницу скандала, испортившего их рабочие перспективы. Прислонившись к косяку, он одарил русскую тяжёлым взглядом.

– Тебе стоит вернуться в Россию как можно скорее, – сказал с угрозой в голосе и тут же отвернулся, чтобы не рассмеяться. Эта фраза прозвучала как в плохих фильмах про мафию, только наивная дуручка поверит его словам.

По щеке Алёны пробежала нервная судорога, но в глазах всё ещё теплилась насмешка.

– Я бы сразу уехала, но я *помогаю расследованию*, – сказала с нажимом.

Лоренс покачал головой. Как ни крути, но девчонка вызывает у него уважение, что случается нечасто.

– Что ж, счастливого переезда! Сразу сообщи адрес гостиницы.

Она удивлённо моргнула, не ожидая, что так быстро избавится от нежеланного гостя.

А Лоренс вышел на улицу и окунулся в промозглую весеннюю сырость. Спрятавшись от непогоды в кафе, он задался вопросом о том, как стереть в порошок девушку, у которой нет ничего, кроме гордости, достоинства и веры в себя.

Помешивая кофе, Лоренс пришёл к выводу, что гордость Алёны Серовой он трогать не станет. Это будет его благотворительным поступком. Если повезёт, Гранд отвлечётся и больше не вспомнит о русской занозе.

Телефон зазвонил очень некстати, как раз когда Лоренс разговорил симпатичную брюнетку за соседним столиком.

– Отчёт! – потребовал Гранд.

– О чём именно? – притворился Лоренс, записывая номер телефона девушки на картонном стаканчике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.